

Александр КАРАВДИН ПАРАДОКС

16+

@ЭЛИТА

Александр Каравдин

Парадокс

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Каравдин А.

Парадокс / А. Каравдин — Электронное издательство "Аэлита", 2013

Действие романа «Парадокс» происходит в мире, находящемся в параллельной вселенной. Главный герой Биф не помнит своего прошлого, и не знает, где находится. Единственное, что может дать ему ответы на эти вопросы – навязчивые кошмары, преследующие юношу. Судьба ведёт героя к открытию тайны его происхождения, сталкивая с чудесными существами и загадочными личностями, в итоге оставляя за ним выбор: спасти мир или свою любовь. Что выберет Биф?

© Каравдин А., 2013

© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

160 день 900 год	6
168 день 900 года	8
169 день 900 года	16
170 день 900 год	28
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Каравдин

Парадокс

© ЭИ «@элита» 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

160 день 900 год

Грозовые тучи, затянувшие иссиня-чёрное небо, под рёв ветра поглотили серебряно-призрачный диск. Растворившийся в ночной мгле Нордор уродливым нагромождением высился над белёсым туманом, клубящимся под его стенами. Усердный фонарщик, одиноко бредущий по тёмным улицам города, зевая, зажигал один фонарь за другим. Он далеко не первую ночь освещал Нордор, и поэтому дозорные, съёжившись, издали завидев его, в знак приветствия подняли алебарды. Помахав в ответ, старый фонарщик хотел свернуть, но внезапно был сбит с ног юношей.

– Простите! – прокричал оборванец и скрылся из виду. Старый фонарщик сердито потёр спину.

Беглеца уличные парни прозвали «Бифкейком», что с нордорского диалекта означает «мускулы». Или сокращённо – Бифом. В семнадцать лет он обладал могучем здоровьем и недюжинной силой, не уступающей взрослому мужчине. За что и получил прозвище. Появился юноша в Нордоре два года назад.

Дозорный Восточных ворот поначалу не впускал оборванца, вышедшего со стороны Кряжного леса, честно исполняя эдикт монарха. Но потом кардинально изменил отношение. Возможно, проснувшееся сострадание, а скорей – снизошедшая с пузатого бутыля благодать повлияла на его решение.

Но вернёмся к юноше.

Скрывшись в очередном переулке, Биф остановился, пытаясь унять учащённое дыхание. Глаза его неустанно бегали из стороны в сторону, выискивая среди мрака ненавистные очертания преследователей.

Несколько раз глубоко вздохнув, юноша приготовился к дальнейшему бегу. Он сделал один шаг прежде, чем голова ужасно заболела.

Они возвращались!

Вокруг, словно в алом мареве, затолпились люди со ржавыми клинками. С каждым вздохом их становилось всё больше и больше. Напуганный до ужаса юноша закричал. Некоторые из людей бросались наутёк, другие, подобно чарам, растворялись в воздухе, проваливались сквозь землю. Биф было поверил в победу, но внезапный удар клинка прервал его крик. На мгновение мелькнуло обрамлённое белым лицо, и мир потух.

Сквозь пелену, Биф видел, как преследователи обступают его со всех сторон.

Инстинктивно юноша вскочил на ноги, загнанно крутя головой. Выхода нет! Они поймали его!

– Что вам надо?! – отчаянно вскричал Биф.

– Для начала – несколько медяков и извинения, на коленях, – спокойно ответил вышедший из толпы Веня.

Его персона на первый взгляд ничем не выделялась среди большинства нордорских оборванцев. Плечи узкие, рост кое-как достигал среднего, да и возраст не превышал шестнадцати. Единственная татуировка на лице – незамысловатые волнистые линии, наколотые зелёным цветом: «Иду по стопам отца». Хотя к его годам у многих коренных мальчишек уже было около трёх. Но, тем не менее, в нём всё же было что-то, заставляющее людей подчиняться ему немедленно, беспрекословно.

– Что замолчал, урод? – ухмыльнувшись, спросил Веня.

– Я не урод, – под нос пробурчал Биф.

– Чего?!

– Я – не урод, – более уверенно повторил юноша, облизав пересохшие губы.

– Ещё какой! – немая сцена. – Слушай, пока я добрый, давай по-хорошему. Отдаёшь медяки за то, что топчешь нашу землю, пришлый, извиняешься, и мы, может быть, тебя не тронем. Идёт?

– Нет, – Биф покачал головой, – я вам ничего не должен.

Веня наигранно улыбнулся, подмигнув одному из прихлебателей.

– Ты, видимо, забыл кто Я, – его смрадное дыхание ударило в лицо Бифа. – Пришлый.

– Я ничего не отдам, – дрожащим голосом произнёс юноша.

– Вот оно что, – Веня артистично призадумался и со всего маху дал пощёчину.

Биф прижал к алеющему следу пятерни холодную ладонь. Щека неимоверно горела.

– Что? Страшно?! – вскричал радостный Веня. – Может, поплачешь? А? Мы девочек любим. Даже очень, – последние слова вызвали повальный смех шайки.

Биф непонимающе закрутил головой, всматриваясь в страшные, вселяющие ужас лица.

– Всё! Шабаш! – смеющимся тоном приказал Веня. – Так что, пришлый, – приятельски подмигнул, – отдашь нам законные медяки? Или, может, будешь нашей девочкой? А?

Собравшись с силами, Биф твёрдым голосом произнёс:

– Я вам ничего не отдам! Это первое...

– Да ты ещё считать будешь?! – словно гром прозвучал разъярённый голос Вени.

– Буду... – начал Биф.

Но, увы, не закончил. Маленький, не отличающийся здоровьем Веня с размаху деревенского воротилы ударил в переносицу юноше. Биф, в полном недоумении, закрыл лицо руками, получив ещё с десятков оплеух от других членов шайки. Методичное, проверенное временем, избиение одного толпой по странному стечению обстоятельств подвело уличных оборванцев.

Биф, которому следовало упасть, выпрямив спину, принялся бить в ответ. Неумело, нескоординировано. Но всё же – бил. И один за другим падали оборванцы.

Удивлённый столь ярым отпором, Веня привычным движением скользнул во внутренний карман безрукавки. Небольшое ржавое лезвие ножа, прикрытое серой тряпкой, ужом прыгнуло под рёбра Бифа.

– Сваливаем! – проорал Веня, скрываясь во мраке переулка.

Некогда грозная шайка уличных оборванцев, с присущей напуганной толпе суматохой, в течение нескольких вздохов скрылась во мгле. Биф остался один. Он неуверенно сделал два шага к стене, усмехнулся и спокойно лёг на холодную, застланную каменными плитами землю...

Как писал Эльнер Земмурский, необычайность Нордора выявляется, в первую очередь, в грязных чахлах улочках, хаотично расходящихся от центрального рынка. Особенно это касается самой опасной части города – Западной Четверти, где даже суровые Стражники Короны, призванные охранять народ от беззакония, стараются как можно реже показывать свой доспех.

Поэтому ничего удивительного, что никто не видел, как к умирающему Бифу подошёл светловолосый мужчина.

168 день 900 года

Два отличных друг от друга голоса невыносимо резали чуткие уши Бифа. Грубый с хрипотцой бас и звонкий мелодичный тон. Юноша прислушался.

– Теперь давайте перейдём непосредственно к причине столь раннего завтрака, – мелодичный голос звучал завораживающе спокойно. – Что вы можете о нём рассказать?

– Ну, он промышляет в оружейной лавке, – чувствовалось, что обладатель баса волнуется.

– Кузнец?

– Что Вы! Куда ему? Он просто продаёт оружие, и ничего больше. Торговец.

– Его специфика?

– ???

– Я извиняюсь. Просто не всегда получается подобрать подходящее понятное всем слово, – человеческая трель на мгновение утихла. – Так, всё же. Каким оружием владеет торговец?

– Да у него нож из рук выскальзывает, – усмехнулся бас. – Куда уж там говорить о...

– Я понял, – прервал собеседник. – Тогда в чём проблема?

– В двух нурийцах. Оружейник повсюду водит их собой... как телохранителей, разумеется.

– Торговец? – удивился мелодичный голос. – Откуда у простого оружейника столько золота, дабы покрывать услуги нурийцев?

– Мы полагаем, это не относится к делу, – отрезал собеседник.

– Согласен, – лёгкий вздох. – Где он живёт?

– Вот, здесь написаны все необходимые сведения, – мимолётное шуршание. – Там полсуммы. Остальное получите после исполнения.

– Хорошо. А сейчас, не могли бы Вы меня оставить? Мне нужен покой.

– Конечно, конечно, – забеспокоился бас. – Да и мне уже пора.

Биф услышал дружное шарканье ног по полу.

...на миг воцарилась тишина.

– Вставай. Я знаю, ты очнулся, – мелодичный тон, казалось, смеялся.

Биф стыдливо открыл глаза.

Напротив, нога на ногу, сидел мужчина с правильными чертами лица. Его светлые ухоженные волосы, доходящие до изящной талии, отливали блеском, что было практически невозможно в Нордоре. Ведь любой проходящий мимо мужчина, в насмешку, отрезал бы длинные локоны вместе с ушами – дабы не порочил воина. А тут?

Биф медленно перевёл взгляд на одежду. На плечах у незнакомца лежал длинный чёрный плащ, отороченный с внутренней стороны ярко-рыжим мехом. Огромная серебряная фибула в виде распустившегося цветка ландыша элегантно покоилась на своеобразном подражании кольчуги – верхняя одежда, связанная из мелких кожаных колец, сквозь которые проглядывала чёрная нательная рубаша, иное определение вряд ли имела. Опускаясь ниже, она плавно переходила в серые, окаймлённые тёмным мехом штаны. Необычайные кожаные ремни, отделанные по краям ярко-зелёным металлом, обтягивали бёдра и икры хозяина. Высокие бескаблучные сапоги были последним штрихом в персоне эпатажного незнакомца.

– Насмотрелся? – улыбнулся мужчина.

В ответ Биф резко перевёл взгляд на его лицо.

– Вот и славненько, – незнакомец демонстративно снял чёрные кожаные перчатки, обнажая нежные ухоженные пальцы. – Теперь давай знакомиться, – сложил руки «в замок». – Меня зовут Август.

– Бифкейк. Можно просто – Биф.

– Мускулы? – удивился альбинос. – Странное имечко.

– Это прозвище, – тяжело вздохнув, произнёс юноша. – Настоящего имени я не помню.

– Почему же?

Биф страдальчески закатил глаза. Помнится, около года назад тот же самый вопрос задал ему юный воришка, находящийся под рукой Азора, негласного короля Восточной и Южной Четвертей. Чем всё закончилось – знал каждый мальчишка в Нордоре.

Юный вор, плача, со всех ног прибежал к великому могущественному королю, моля о помощи. Лебезя подле ног и демонстрируя синяки на лице, он взывал наказать подлого пришлого. Азор же, выслушав прерывистый рассказ воришки, лишь усмехнулся, пнув того под мягкое место. С тех пор никто не желал знать: «Почему Бифкейк не помнит своего имени?».

Альбинос плавно положил руки на колени:

– Что замолчал-то?

Биф пожал плечами.

– Ладно, – Август встал со стула. – Завтрак на столе. Оденешься – поешь. Из дома никуда не уходи. Я скоро, – альбинос, ритмично постукивая сапогами о деревянный пол, направился к резной двери. Уже на пороге, обернувшись, добавил: – Снежка покорми. Не забудь.

Биф попытался осторожно оторвать от раны прилипшую жёлто-белую полоску бинта. Ткань слегка отъединилась от повреждённой плоти, а потом, словно в насмешку, крепко схватилась. Юноша вскрикнул. На бинте появились ярко-красные крапинки свежей крови.

– Ш-ш-ш, – медленно выдохнул сквозь зубы Биф, борясь с возрастающей болью.

Юноша осторожно приложил ткань обратно, к начавшей кровоточить ране. Поверх тела накинул старую льняную рубаху. Она была первой из вещей, заработанных Бифом. Седмицы, проведённые за мытьём посуды на одном из постоянных дворов, вернулись сторицей, когда она спасала от пронизывающего холода улиц.

Одевшись, Биф с жаром накинулся на аппетитно-манящий завтрак, радушно оставленный Августом. Варёные караси под белоснежной сметаной, картофельная толчёнка вперемешку с нежнейшими кусочками мяса, аккуратно выложенные на тарелке малосольные огурчики – такой стол юноша видел впервые! К тому же всё это дополнял маленький стаканчик, наполненный одурманивающе благоухающей жидкостью...

Вольготно потянувшись, юноша лениво отложил деревянную ложку в сторону.

– У-у-ух! Хорошо! – зевнул он, поднимаясь из-за стола. В животе чувствовалась приятная тяжесть.

Резная дверь, до сего момента не проявляющая признаков жизни, внезапно приоткрылась, впуская в дом огромного пушистого кота с белой шёрсткой.

– О, Снежок! – обрадовался Биф, потирая руки. – Август просил тебя покормить. Айда ешь. Кис-кис-кис!

Юноша положил на пол жареного карася. Но кот лишь пренебрежительно фыркнул, удалившись с кухни.

– Как хочешь, – пробурчал Биф, направившись к кровати. – Я тогда – спать.

Многочисленное количество разнообразнейших колбочек, пробирок, соединённых между собой пуповинами-проводами и трубочками различного качества, полностью загромождали немаленькую комнату. Находясь в непосредственной близости от них, стояли, висели всевозможные спиртовые, угольные горелки, нагревающие в стеклянных бутылочках красную, жёлтую, зелёную, синюю жидкости. Пузырься и вскипая, вещества под давлением или иными силами поднимались вверх по пуповинам, а частенько – в других направлениях, чтобы потом перейти в другой сосуд. Конечно, бывало, жидкости попадали в невообразимые полости и машины, состоящие из дерева с прогнившим железом. Винты, движущиеся колёса, крутящи-

еся стрелки, мигающие лампочки, издающие пронзительный звон кнопки – вот не весь список приспособлений.

– Кх-х, – кашлянул Август, встав посередине комнаты. – Дома кто-нибудь есть?

Из-под стеклянно-железного нагромождения появилась вначале прогрессирующая лысина, а потом и её хозяин – исхудалый старец с длиннющими серыми усами.

– Чем обязан твоему визиту? – алхимик поправил огромные, на пол-лица, очки.

– А разве я не могу прийти к тебе просто так? Без какой-либо цели? – сделал удивлённое лицо Август.

– Почему же. Можешь. Но только ты прекрасно знаешь, что Авелина на данный момент не в Нордоре. Поэтому, – старец протёр линзу очков о единственное, что было у него из одежды – потрёпанные холщовые штаны, обвязанные поверх белой бечёвкой и обрезанные до самых колен. – Так зачем пришёл-то?

– Ах, Авелина, – трепетно произнёс альбинос, не замечая вопроса. – Как она?

– Хорошо. Ещё один год, и я смогу передать ей все свои знания. Она, наконец, продолжит дело рода.

– Да, Авелина способная девочка, – закатил глаза Август.

Буквально несколько седмиц назад альбинос приходил каждый вечер в дом Утлера – навестить его внуку. И всегда поздние посиделки заканчивались одинаково: он вместе с Авелиной закрывался в её комнате, прихватив несколько талмудов – так, для отвода глаз. А потом они всю ночь изнуряли друг друга, высасывая оставшиеся силы.

– Так зачем пришёл? – взяв в руки колбу с бесцветной жидкостью, спросил старец.

– Мне нужен яд, – коротко ответил Август.

– Так сходи и купи у любого торговца из Западной Четверти, – потеряв всякий интерес, произнёс Утлер.

– Я бы так и сделал, – начал вкрадчиво альбинос. – Только яд мне нужен специфический. Особенный.

– Что ты имеешь в виду? – алхимик посмотрел на Августа сквозь колбу.

– Поговаривают, твоим ядом Харам отравлен. Это правда?

– Может и да. А может, и нет. Мне-то откуда знать? Я яд только продаю. С меня взятки гладки.

– Значит, договорились?

Утлер сурово посмотрел на альбиноса и внезапно расплылся в улыбке:

– Приходи завтра – сделаю. Цена – пятнадцать золотых. На ингредиенты... Рассчитайся потом, – добавил алхимик, увидев поползновение рук Августа к мешочку, закреплённому на ремне.

– Хорошо. Тогда до завтра. У меня ещё дела есть.

– Ладно, ладно. Беги, пока молодой, – попрощался Утлер, склонившись над одной из пугающе-чудовищных машин.

Август в несколько шагов пересёк комнату и вышел на улицу.

В лицо ударил прохладный ветерок. Альбинос только сейчас понял: какой зловонный запах витал в доме! Немного постояв и насладившись свежестью уличного воздуха, он непринуждённым шагом направился в постоялый двор. К тому, кто был осведомлён во всех делах людских. К Бергеру-лягушонку.

Возвышаясь над монотонно движущейся толпой, Август горделиво шёл, не замечая ровным счётом никого. Зазевавшиеся прохожие в спешке отпрыгивали от высокого альбиноса, не желая столкнуться с гигантом. А маленькие ребятишки во все глаза смотрели на «класивага дядю». И только немногочисленные псы, живущие обок с вшивыми бродягами, не проявляли интереса к альбиносу.

Август задумчиво пробежал глазами по разнообразным деревянным вывескам. «Зелёные рябчики». «Кривой щит». «Последняя ватага». Зачарованно повторил их ещё раз. Задумался.

Повсюду слышались крики продавцов, зазывал и просто проходящих мимо людей. Стояла, на первый взгляд, полная неразбериха.

Возле одной из стен дешёвого кабака стояли мужские игрушки. В корсетах, с разукрашенными до безумия лицами, женщины стреляли глазками, выискивая очередного посетителя. Чуть подалее, смешавшись в одну толпу, гомонили нордорские юристы и шарлатаны. Пройдя ещё несколько шагов, Август легко различил элиту плотского служения – жеманных парней в женских юбках.

Внезапный толчок заставил Августа опустить взгляд. В пыли лежал оборванец, не превышающий, навскидку, шестнадцати лет.

– Тебе помочь? – спросил альбинос, заинтересованно бросив взгляд на витиеватую татуировку.

– Нет. Нет, – затараторил юнец. – Это я виноват. Извините, – он, быстро вскочив с земли, бросился в близлежащий проулок.

Август улыбнулся. Смешной воришка!

Альбинос лёгким движением подбросил на ладони глиняную табличку. Поднёс к глазам. На маленьком, с ноготь человека, амулете переплетались две виноградные лозы. Знак охраны. Альбинос, покнув языком, представил немую сцену, как молодой воришка, спрятавшись в тёмном углу, тянет руки к внутренней тесёмке, на которую вешает дневную добычу. Но, к огромному разочарованию, не находит мешочка с медяками, а вместе с ним – и подаренный кем-то оберег. То-то парень повеселится!

Август подошёл к тяжёлой массивной двери постоялого двора. «Восьминогая собака» – гласила вывеска. Заведение отнюдь не бедное, но и не пышущее изысками. В общем, как раз, если хочешь увидеть Лягушонка.

Альбинос непринуждённо одёрнул полы плаща, мимолётным движением поправил нательную рубаху, слегка прикоснулся к висящей на поясе шпаге. Вот теперь можно входить.

Бергер не зря носил прозвище «Лягушонок». Ему поспособствовала внешность. Маленький, с неестественно большой головой, в детстве он у каждого ровесника вызывал приступы истерического смеха. А длинные тонкие руки, согнутые в локтях, возвышающиеся над спиной, вовсе убивали наповал рыдающих от радости детей. Конечно, повзрослев, а местами даже возмужав, Бергер слегка изменился, став похожим на человека. Но чересчур длинный язык, как в прямом, так и переносном смысле, не дал ему избавиться от детского прозвища. Тем самым оставив Лягушонком.

Бергер аккуратно, без стука, поставил кружку с пивом. Вытер рукавом губы, меланхолично осматривая «Восьминогую собаку». Сегодня, как и в другие дни, посетителей хоть отбавляй.

Три центральных столика, поставленных в форме ромашки, занимали несколько немногочисленных компаний гордого вида, давно раскрасневшиеся от крепкого пива. Чуть поодаль, на прямоугольных кривоватых скамьях, сидели истинные поклонники зелёного змия – завсегдатаи постоялого двора. Одни эмоционально размахивали руками, показывая определённый размер; другие, уставившись в таинственную точку, медленно накачивались разбавленным пивом, не забывая поглядывать на вышибалу – огромного гориллоподобного мужчину с высоким крепким лбом и злобным характером, готового за любую оплошность выкинуть из «Восьминогой собаки». Человеку на горе, посетителям на радость.

Бергер по-хозяйски медленно перевёл взгляд в один из углов заведения. В нём, прижимая к груди лиру, сидела прекрасная девушка, готовая всего за один медяк насладить слух уставшего путника. Пожалуй, даже самого избалованного. Напротив неё, точно в таком же углу, за

широким письменным столом сидел худошавый юноша, промышляющий заверением завешанных и других имеющих особую важность документов. Знакописец. Или, как он называл сам себя, «нотариус».

Лягушонок задумчиво почесал подбородок, заинтересованно оглянувшись на дверь. В «Восьминогую собаку» пришло пополнение. Им оказался не кто иной, как светловолосый гигант, носящий гордое имя – Август. Бергер вынужденно натянул на лицо улыбку, спокойно ожидая небезызвестного альбиноса. Если пришёл – значит, есть работёнка.

– С добрым утром, – произнёс Август, вольготно расположившись за столом. – Как дела?

– Не жалуясь, – буднично ответил Лягушонок, по привычке оглядываясь по сторонам. – Но думаю, что обсудить это стоит в более спокойном месте. Поэтому... – он наклонился к Августу, – ...как обычно, – и совершенно спокойно направился к входной двери.

Подождав некоторое время, альбинос со скучающим видом двинулся вслед за Бергером. В «более спокойное место».

– Что-то часто мы с тобой видимся, – слегка удивлённым тоном произнёс Бергер. – К добру ли?

– Не волнуйся. К добру, – утешил Август, вытаскивая из-под нательной рубахи пожелтевший листок. – Перейдём сразу к делу.

– В этом я с тобой согласен. Говори.

– Ты помнишь Харам?

– А, того неудачника? Конечно, помню. Я же тебе, вот, четыре дня назад, всё о нём выложил. Всё, что смог найти, разумеется.

– Помню, помню, – закатил глаза Август, не без смеха вспоминая полученную информацию:

«Харам (прозвище). Настоящее имя: Ибрагим аль Джазир. Занимал весьма высокую должность у негласного короля Западной Четверти – Ратрона. В его обязанности входил сбор оброка у глав. Семьи не имел.

Скоропостижно скончался в 161 день 900 года, когда возвращался из Красного угла домой. Отравлен. Ни исполнитель, ни заказчик не найдены.

Яд имеет ряд интереснейших подробностей. Первая из них – он в мгновение поражает организм, стоит лишь капле попасть на открытый участок кожи. Вторая – такие яды привозились ранее в Нордор выходцами из Белийских топей. Но не исключено и кустарное производство.

Дальнейшие действия Ратрона пока неизвестны. Он, скорее всего, занял выжидательную позицию. Но что касается самого Харамы, то до насильственной смерти он предпринимал следующие действия...»

И далее шёл длиннющий перечень с подробным описанием его жизни. Вплоть до посещения утреннего туалета.

– Да, помню, помню, – повторил Август, протягивая листок Лягушонку. – Ты тогда хорошо постарался.

– Я знаю, – согласился Бергер. – Ладно, переходим к делу. Что именно ты хочешь знать?

– На листке написано имя оружейника...

– Ли-так. И что?

– Не перебивай, – нахмурился альбинос. – Сейчас всё расскажу... так вот. Он постоянно таскает с собой двух нурийцев. Мне нужно знать, откуда у него столько золота на оплату дорогих телохранителей? Это первое. Второе. Кому он мог перейти дорогу? И третье, связан ли этот оружейник каким-либо образом с Харамом? Запомнил?

– Конечно, – задумчиво ответил Лягушонок. – К какому числу?

– Даю тебе срок в три дня. Успеешь?

– Вполне. Я всё разужнаю... А теперь, – причмокнув, Бергер достал откуда-то снизу запылённую бутылку крепкого вина, – закрепим полученный результат, – и, закатив глаза от наслаждения, облизал губы, прихватив языком правую бровь.

Лечебные свойства сна ни одним человеком, будь он ведьмаком либо простолюдином, никогда не опровергались. В чём Биф и не сомневался. Вот так: сытым, под тёплым одеялом, да на мягкой кровати, он мог спать бесконечно долго, если бы не чей-то сильный удар под рёбра.

Биф резко сел, пытаясь одним полуоткрытым глазом отыскать обидчика.

– Вставай, неженка! А то не выздоровеешь, – мелодичный голос Августа звучал над головой. – Просыпайся.

– Ага, – произнёс Биф. – Встаю.

Спустя несколько минут, ещё не проснувшийся полностью юноша, расслаблено прислонившись спиной к стенке, удобно сидел на кровати, поглядывая мутным взором на ухмыляющегося альбиноса. Тот, расположившись за столом, осматривал поле боя Бифа с завтраком. Юноша с солидным отрывом победил.

– Что ж ты вишнёвки не испробовал? А? – спросил, казалось, сам себя Август, рывком опустошив стаканчик.

– Чего? – заспанным голосом поинтересовался Биф.

– Вставай, – страдальчески произнёс альбинос. – Вон умывальник. Сполосни лицо. А то не проснёшься.

– Ладно, – ответил юноша, с неохотой вставая с кровати.

Нацедив полные ладоши холодной воды, Биф умыл лицо. Взбодрило. Повторил ещё раз.

– Мальчик мой. Я стесняюсь спросить. Но. Почему ты не накормил Снежка? – послышался насторожённо спокойный голос Августа.

– Я, – Биф повернулся к альбиносу. – Положил на пол караса, но Ваш кот лишь фыркнул, скрывшись в соседней комнате.

Наступило напряжённое молчание...

Прошло некоторое время, и Август просто взорвался истерическим хохотом:

– Карасём?! Снежка?! Ха-ха-ха! Кот! Ха-ха-ха! – внезапно альбинос замолк, дабы снова заговорить спокойным тоном. – Извини, я не предупредил тебя... Ладно. Мы это исправим. Эй, Уродец! Кс-кс-кс.

Из соседней комнаты показался тот самый белоснежный кот.

– Знакомься, – произнёс Август. – Уродец! Во всей своей красе.

– А Снежок?

– Снежок, – повторил альбинос, вставая со стула. – Сейчас. Сне-ёж-о-ок! Ко-о мне-е!

Август небрежным движением руки достал из тумбочки тушку курицы, прежде чем в дом забежал Снежок. Мощное бугрящееся тело животного, покрытое лоснящейся вороной шерстью, всего с одним белым пятном на груди, возвышалось над кроватью. Зверь, издали напоминаящий собаку, облизнулся, обнажив огромные клыки. Но самое странное, что удивило Бифа, так это лысый толстущий хвост, словно у крысы, и розовые округлые уши, возвышающиеся над массивным черепом.

– Вот он. Снежок, – улыбнулся Август. – Хочешь покормить его?

Биф отрицательно покачал головой.

– Как хочешь, – пожал плечами альбинос, обняв Снежка.

Неизвестный зверь прыгал и ласкался, словно обычный пёс. На это было странно смотреть.

– Ну, ну, ну. Хватит уже. Хватит, – недовольно произнёс Август, вставая в полный рост. – Молодец. Хороший мальчик. Хороший. На, – протянул тушку.

Неизвестный зверь радостно схватил её и бросился прочь, на улицу, по дороге весьма грозно порывивая.

– Сумчатый дьявол, – ответил на немой вопрос альбинос. – Просто я его слегка перекормил.

– А...

– Не бойся. Он дружелюбный. К моим гостям, только, – поправился Август.

– А почему Снежок? – недоумевающее спросил Биф.

– Разве не похож?

– На снег? Нет, – честно ответил юноша.

– Жаль, – ничуть не огорчившись, произнёс альбинос.

Наступило молчание.

– Что ж... – Биф встал с кровати. – Благодарю Вас за спасение. За хлеб, кров. Большое спасибо. Я – Ваш должник. Но мне пора уходить. Я и так доставил кучу хлопот.

– Постой, – сказал Август, – тебе есть куда идти?

– Ну, – юноша потупил взор, – недалеко стоит ночлежка Гретхема...

– В общем, – прервал альбинос, – медяков лишних я у тебя не наблюдаю. Места проживания – тоже. Да и про обидчиков твоих молчу. Сомневаюсь, что они успокоятся. Ты присядь, подумай.

Биф опустил на кровать.

– Так вот, – продолжил Август, – Снежка ты видел. За ним нужен уход, да и за домом тоже. Я сам не успеваю. Поэтому оставайся у меня. Будешь работать потихоньку, хозяйство вести. Считаю, всегда крыша над головой, кровать мягкая, еда, обидчики не тронут. Разве плохо? – альбинос посмотрел на юношу. – Подумай, взвесь всё хорошенько. А завтра утром скажешь. Я не тороплю.

Ратрон не зря был прозван негласным королём самой опасной в Нордоре Четверти – Западной. Вся его жизнь представляла собой ожесточённую борьбу.

Будучи ребёнком, он, подобно птенцу кукушки, удавил брата, рождённого на три вдоха раньше. Тогда мало кто разглядел в маленьком мальчике убийцу, будущего грозу Западной Четверти – списали на несчастный случай. А спустя годы никто не удивлялся повзрослевшему Ратрону, с помощью ножа изучавшего внутренности убитых им в трущобах города кошек, собак, а бывало, и нищих.

Седмицу назад был отравлен сборщик оброка – Харам. Ни заказчика, ни исполнителя, ни свидетелей, доносчики, бродящие по всему Нордору, найти не смогли. Для короля же было очевидно, что это – дело рук Азора.

Ратрон закусил губу.

«Ох, эта вендийская скотина! Прислал своих псов с вестью о том, что Безбрачные дворы принадлежат ему. Да как он смеет?! Хотя, впрочем, может и правда он убил Харам? Почему бы нет?»

Ратрон тяжело вздохнул.

Насколько помнится, именно Азор предложил разделить Нордор между ними. Да, стоило Ратрону, негласному королю всего города и великому колдуну, исчезнуть, как советники взяли бразды правления в свои руки. Ратрону досталась Западная Четверть, Азору – Восточная с Южной, а Гивусу – Северная. Всё были тогда довольны. А сейчас?!

Ратрон рукой смахнул всё со стола. Ну, ладно. Согласен. Семнадцать лет мира – большой срок!

Шагая по узенькой, вымощенной каменной плиткой, дорожке, Биф восхищённо оглядывался вокруг. Август и впрямь не обманул: его сад поистине мог соперничать с питомниками самого монарха Нордора!

Карликовые деревца, похожие на плакучие ивы, растущие с обеих сторон дорожки, ослепляли юношу белоснежно-розовыми цветками, облепившими ветви. Возвышаясь над ними, стояли гордые исхудалые ели, покрытые зеленовато-голубыми иглами. Ещё выше, смыкаясь ветвями в живую арку, росли могучие вязы с жёлтыми цветками.

Биф заворожённо вступил на ярко-зелёную поляну, где там и тут выглядывали фиолетовые, алые, оранжевые, тёмно-синие бутоны. Благоговейно шагая, он направлялся не к белоснежному кусту с широкими листьями, не к изящному цветку размером с самого юношу, а к огромному узловатому дубу, растущему в отдалении от остальных деревьев.

Подойдя к нему, Биф понимающе вздохнул: мы с тобой так похожи.

Юноша, закусив губу, обнял шершавый ствол. Прислонился щекой. По коже прошёл приятный холодок. Биф улыбнулся. Медленно прислонился к дубу спиной, а потом, не торопясь, с закрытыми глазами сполз вниз по стволу. Он всё ещё с ужасом вспоминал своё пробуждение.

Чёрные свинцовые тучи, заполонившие всё небо, казалось, подпирались мрачными скрюченными деревьями. Холодный ветер, гневно завывая, срывал листья и бросал на голую землю.

Очнувшись, юноша открыл глаза, пытаясь понять: где он?. В голову ничего не приходило. Посидев некоторое время и рассмотрев пугающие силуэты деревьев-монстров, юноша встал, собираясь идти домой. Но внезапно для себя понял: он не знает, где дом! Даже не помнит, как его зовут!

Перепуганный юноша в растерянности присел обратно. Решив, что если немного полежит, то вспомнит, он закрыл глаза. Ох и долго тянулось время! Вначале ничего не мог вспомнить – в голове стоял гул. Когда он утих, Биф вспомнил свой возраст – пятнадцать лет. Затем дату рождения – сто восемьдесят девятый день. А чуть-чуть позже и то, куда шёл. В Нордор.

Вскочив, юноша бросился бежать, надеясь по дороге вспомнить остальное. А вдруг ответы ждали его в Нордоре? К сожалению, Биф ничего больше не вспомнил. Ни по дороге, ни в Нордоре.

Единственное, что напоминало ему о прошлой жизни, так это видения, внезапно вспыхивающие в голове. Но от них было мало проку. Слишком размыты. Слишком непонятны.

Биф ударил себя по щекам.

Всё. Хватит. Пора подумать о будущем.

Нависающий над соловьём чёрный гриф тёмно-серой лапой прижимал сломанное крыло маленькой птицы. Жертва билась, пытаясь вырваться на свободу, издавала пронзительный писк. Гриф, не останавливаясь, заклёвывал соловья. Короткий загнутый клюв с сокрушительной силой бил в голову маленькой птице. Жертва от удара на мгновение затихала, а затем снова пыталась вырваться. Из больших тёмных глаз соловья текли слёзы, но Биф знал: птица не в силах плакать.

– А-а-а! – вскричал юноша, приподнимаясь на руках. – Это был сон. Это был сон, – забормотал юноша.

Всё тело охватывала дрожь. Перед глазами мелькало лицо неизвестного мужчины. Отдышавшись, Биф снова лёг. Ночной кошмар не причина для суточного бодрствования! Даже очень страшный.

Юноша, повернувшись на другой бок, смежил веки. Лишь на периферии сознания мелькнула незначительная мысль: «А может, это был не сон?».

169 день 900 года

Чьё-то тёплое дыхание приятно согревало щеку. Улыбнувшись, Биф постепенно стал разлеплять веки. Вначале он увидел голубые глазки. Потом – розовые губы. Затем – ухоженные волосы. Юноша протянул руки, чтобы обнять прекраснейшее сокровище, разбудившее его. Обнять и никогда не отпускать.

«Вот она – любовь с первого взгляда», – подумал Биф, пока полностью не разлепил веки. Утренним сокровищем оказался свирепый Снежок!

Биф вскочил на месте! Послышались тихие ритмичные хлопки.

– Поздравляю, поздравляю, – Август, видимо, присутствовал при его пробуждении. – Никто ещё не проявлял столько ласки к Снежку. Даже я.

Биф, покраснев, попытался оправдаться:

– Ничего я не хотел делать. Просто... это... увидел красивые глаза... – осмыслив сказанное, юноша сразу захлопнул рот, дабы не сморозить очередную глупость.

Альбинос мелодично и тонко засмеялся.

– Ладно. Всё. Спокойно, – Август поднёс к лицу ладонь. – Не для этого тебя Снежок будил. Давай, говори, что решил.

Биф, отодвинувшись подальше от сумчатого дьявола, ответил:

– Я согласен.

– Прекрасно, – гигант встал со стула. – А теперь – поднимайся. Твой порез следует проверить.

Юноша косо посмотрел на домашнего зверя:

– А он? Так и будет сидеть?

Альбинос надломил бровь:

– Теперь ты живёшь здесь. Поэтому бояться его глупо. Вставай.

Подойдя, Август осмотрел кожу вокруг бинта. Хмыкнул. Аккуратно развязал ткань, раскрутил её, потёр пальцами. Отпустил. Бинт повис, удерживаемый лишь застывшей кровавой коркой на месте ножевого ранения. Альбинос наклонился, с озадаченным видом осмотрел результат лечения и резким движением руки сорвал ткань. На месте ранения остался рубец.

Выпрямившись, Август, словно не замечая страдальческого выражения лица Бифа, произнёс:

– С выздоровлением.

– С-спасибо, – выдохнул юноша.

– Рад слышать, – альбинос взмахнул ладонью. – Но перейдём к делу. Вон, видишь очаг? – Биф кивнул. – На исходе цветений, когда прилетают в наши края холода, без него становится, так скажем... м-м-м... проблематично. Поэтому наколи к вечеру дров. Скажем, штук пятьсот. Хорошо?

– Да.

Решив сократить путь до дома Утлера, Август пошёл по самым грязным, самым опасным дворам Западной Четверти, прозванными в народе «Бараками». В честь тех времён, когда в покосившихся маленьких избушках ютились военные отряды беззаконников, отправляемые суровой рукой монарха в битву.

– Дабы преступники очистили свой грех перед родным народом, – пояснял правитель.

Альбинос усмехнулся, представив нынешнего монарха в этой роли. Да, Нигмунд VI не шёл в сравнение с пращуром! Бесхребетный, трусливый, он выполнял лишь представительскую функцию, оставленную с лёгкой руки Тароном. Гигант вздохнул. Великий был человек. Хотя и старый. Да безумный чуточку...

Минуты ностальгии прервал мальчишеский голос:

– Эй, блондин! Стой!

Август повернул голову. В переулке стояла шайка оборванцев. Самому старшему было не больше восемнадцати лет.

– Это ты украл у Брэка оберег и дневную выручку? – вперёд вышел низкий паренёк.

– Ты вообще кто такой? – спросил Август.

– Допустим, меня зовут Веня, – и помолчав, добавил: – Теперь тебе ясно, с кем разговариваешь?

– О, – сделал удивлённое лицо альбинос. – Большой, большой человек. Видный. А теперь дай я представлюсь.

Веня властно махнул рукой, посмотрев на свою шайку. Мол, можешь, я пока добрый.

– Август, прозванный в некоем кругу Белым ландышем, – альбинос смотрел, как Веня со всей шайкой переменялись в лицах. – Теперь поговорим.

– Мы... Я... Мы не знали, – начал оправдываться испуганный предводитель. – Мы... Ну...

– Если вы слышали обо мне, то знаете: я такого отношения не люблю. Ведь так?

Веня утвердительно кивнул.

– Уже хорошо. Значит, знаете и цену.

– Сколько мы должны злата? Я... Мы... принесём, – затараторил парень.

– Нет, – скривил губы Август. – Мне оно не нужно. Ты, надеюсь, сам представляешь, о чём идёт речь.

Веня отрицательно потряс головой.

– Ну-у-у. Значит, спросишь у кого-нибудь, – бросил альбинос, поворачиваясь спиной к шайке. – Срок – исход этого дня, – и спокойным шагом направился к Утлеру.

– Тише, мальчик, тише, – мягко произнёс Биф, попытавшись погладить вороную голову Снежка.

Но зверь, видимо, был иного мнения. С довольной мордой подождав, когда дрожащая ладонь юноши приблизиться, дьявол с победным кличем щёлкнул клыками. К счастью, Биф успел отдёрнуть руку. Снежок расстроено фыркнул.

– Ну, и что мне делать? – отчаявшись, задумался юноша. – Как тебя обойти-то?

Ответом было красноречивое молчание. Пришлось снова зайти в дом.

Биф, инстинктивно закусив губу, присел на кровать. Вот уже сколько раз он пытается выйти во двор – всё без толку. Непоколебимый Снежок сидит в сенях, огрызаясь на настойчивые потуги Бифа миновать его. Чего юноша только не предпринимал: и просил, и торговался, и пытался отвлечь безмолвного стража, бросив тушку курицы. Ничего не выходило. Сумчатый дьявол упорно сидел, не пуская Бифа во двор.

– Что ж, – вздохнул юноша, бросив взгляд на окно. – Другого выхода нет.

Он медленным шагом подошёл к окошку, распахнул его, высунулся наружу. Кривой проулок пустовал.

Пора!

Быстро, одним махом, Биф выпрыгнул из окна, надеясь остаться незамеченным. Что, к сожалению, получилось отнюдь не идеально. Больно ударившись коленом о подоконник и едва не свернув шею, юноша напрямик грохнулся к ногам проходящей мимо девушки.

Немного полежав, он смущённо поднял голову.

Первое, что бросилось в глаза, это длинные, чуть ниже плеч, изумрудно-зелёные волосы.

– Я... – заворожённо произнёс Биф, поднимаясь на ноги, – я...

Светло-голубые глаза, точно две маленькие льдинки, испуганно смотрели на юношу.

– Я... Меня зовут Биф, – выпалил он, не сумев подобрать слов.

Ответа не последовало. Невысокого роста девушка стала пятиться назад.

– Не бойся, – успокаивающе произнёс Биф.

Но девушка затрясла головой, издавая непонятные звуки.

– Успокойся, пожалуйста, – Биф был сбит с толку её поведением.

Незнакомка замолчала. Разумно посмотрела на юношу, чуть-чуть наклонив голову набок.

– Вот и хорошо, – обрадовался Биф. – Давай начнём знакомство заново. Не против? Меня зовут Биф. А тебя?

Девушка улыбнулась, накинула алый капюшон на голову, и, быстро развернувшись, бросилась бежать. Юноше ничего не оставалось, кроме как смотреть вслед удаляющейся незнакомке.

Немного постояв, он направился к дому. Бесшумно открыл ворота и как можно тише стал подкрадываться к входной двери. На его несчастье, она была распахнута, а на пороге стоял Снежок.

Застыв на месте, Биф произнёс:

– Тише, тише. Всё хо...

Голос юноши послужил приказом к атаке для дьявола, и тот рванул с места. Биф сделал то же самое. Так начался изнурительный марафон с препятствиями, в течение которого юноша чуть не провалился в колодец, изрядно побегал по крышам и перевернул всё, что оказалось на пути. Не отступающий ни на шаг Снежок взбирался по отвесным стенам не хуже испуганного Бифа. А иногда – даже лучше, о чём свидетельствовала разорванная штанина юноши.

Неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы в очередном круге забега по сараям, крыша одного бы не треснула... Зверь успел лишь фыркнуть...

Отдышавшись и убедившись, что Снежок не в состоянии выбраться из постройки, Биф спокойно спустился вниз.

Отыскав увесистый колун и поплевав на руки, юноша приступил к рубке дров. Выкатив самый большой и узловатый чурбан, он отошёл в сторону, посмотреть: не слишком ли хлипкое полено? Поразмыслив и решив, что в самый раз – юноша замахнулся колуном.

Удар. Удар. Ещё удар. Полено стояло, как ни в чём не бывало. Удар. Ещё. И ещё. Примерно удара после двадцатого Биф решил сменить полено на более колкое.

Откатив чурбан в сторону и заменив его, юноша вновь поднял колун. На этот раз он сделал верный выбор. Ровненькое, без единого сучка, полено когда-то было деревом, как поговаривает народ, в строевом лесу. Такое не должно создать трудностей.

Отведя колун за голову, Биф изо всех сил опустил его. Брат топора, разогнанный руками юноши, чуть-чуть чиркнул по краю полена и ушёл в землю. Да, работа обещала быть весёлой.

– Скажи мне, – спросил Биф, отбросив четвертинку полена, – почему Август назвал тебя Уродцем? – юноша распрямил спину, вытер пот. – Не знаешь?... Вот и я не пойму. Такой белый, пушистый, а – Уродец. Да! – последняя фраза относилась к проделанной работе.

За время тяжёлого труда Биф расколол с десятков полешек. Что весьма его удручало, ведь результат должен быть пятьсот штук.

– Придётся схитрить, – он почесал затылок. – Ничего не поделаешь. Помнится мне, видел в одном из сараев о-огромную кучу наколотых поленьев. Их-то мы и используем.

Сказано – сделано. Через некоторое время Биф посматривал на образовавшуюся во дворе кучу расколотых полешек.

– Ну, чем не пятьсот? – спросил он кота. – А в сарае Август и не заметит. Я, по секрету скажу, брал их со стороны угла – туда ещё залезть надо. Но только между нами. Ладно? – и, распираемый смехом, добавил: – Он же, я думаю, по-кошачьи не кумекает!

Уродец лениво потянулся.

Август пока и не думал возвращаться. Удобно расположившись в кресле и закинув ногу на ногу, он медленными глотками пил взвар. Горячий, настоящий на листьях смородины, крыжовника и вишни.

– Неопишимо, – открыл глаза Август. – Превосходный взвар!

– Дык, от матушки-покойницы, спаси Бог её душу, рецепт достался. Мастерица была... А какие пироги стряпала?! – Утлер предался воспоминаниям. – Вот помнится, придём мы с братьями...

– Превосходный взвар! – прервал альбинос, поставив кружку. – Что Авелина пишет?

– Аюшки? – удивился алхимик. – А. Письмо увидел, – улыбнулся. – Так, пишет: всё хорошо. Учится потихоньку. Спрашивает, когда приеду... Она и о тебе интересовалась! Не пишет, не приезжает...

– Дела-а-а, – почти смакуя, растянул слово Август. – Вот закончу на днях и навещу. Обязательно навещу.

– Может, ей тогда написать?! Чтоб порадовалась?

– Не надо. Сюрпризом будет, – альбинос сделал маленький глоток. – Как яд поживает?

– Так всё готово. Вот, – Утлер протянул колбочку с бесцветной жидкостью. – Поражает организм через кожу. Но, что самое главное, ничем не смыть... И ещё, – спохватился старец. – Будь с ним крайне осторожен. Время поражения организма мало, какие-то ничтожные вздохи. Противоядия нет.

– Ладно, буду, – произнёс Август. – Спасибо за работу, – и выложил на стол два мешочка. Утлер снял очки, протёр, снова надел. Помотал головой.

– Они с золотом. Бери, – Август сломил бровь. – Я помню цену.

– Но...

– Авелине передашь. Ей, я полагаю, злато понадобится.

– Но не столько ж! – воскликнул старец.

– Дядюшка Утлер, Вы плохо знаете женщин. Поверьте, она истратит их в первый же день, – альбинос поднялся с кресла. – Спасибо за всё. Взвар был превосходный! – и вышел из дома.

Когда Август вошёл в дом, Биф лежал на кровати.

– Не вставай, – махнул рукой альбинос. Подойдя к пузатой просмоленной бочке, он ковшом подчерпнул воды. Сделал несколько больших глотков. – Жарко, – вздохнул Август. – Не правда ли?

– Да, жарковато, – согласился Биф.

Сделав последний глоток, альбинос опустился на стул.

– Как самочувствие?

– Нормально, – пожал плечами Биф, – не жалуюсь.

– Уродца со Снежком покормил?

– Нет. Я не зна...

– Ничего, – остановил юношу Август, – мы это исправим. Уродец! Кс-кс-кс!

На кухню вышел белоснежный кот, по-хозяйски оглянулся, пару раз взмахнув хвостом, мяукнул.

– А почему ты назвал его Уродцем? – недоумевающее спросил Биф. – Ведь красивый кот, пушистый.

Август улыбнулся. Правой рукой похлопал себя по плечу:

– Давай ко мне. Быстро!

Уродец в несколько прыжков залез на плечо.

– Что ж, – вздохнул Август. – Рассказывай. Как день прошёл?

– Хорошо...

– Я Уродца спрашиваю, – прервал альбинос.

Кот хитро сверкнул глазами и наклонился к уху Августа. Затаив дыхание, Биф присмотрелся. Может, тусклое освещение, а, может, уставшие глаза злую шутку сыграли, но тем не менее юноша явственно видел: губы Уродца шевелятся!

Биф закрыл лицо руками. Мысленно досчитал до десяти. Вздохнул. Посмотрел на кота.

Нет! Уродец и вправду говорил. Оставался лишь один вопрос: на каком языке? Человеческом или зверином?

Биф представил, как Август, сидя вот так – нога на ногу – нараспев мяучит, а с ним заодно и Уродец. Нет. Этого не может быть! Хотя...

– Вот оно как! – сурово произнёс альбинос, сняв кота с плеча. – Что скажешь?

Биф непонимающе посмотрел на Августа.

– Ясно, – альбинос меланхолично погладил Уродца. – Говори, честно. Почему обмануть решил? Для чего полешки из сарая вынес?

– А... Это Вам кот рассказал? – не веря в происходящее, спросил Биф.

– Кот, кот, – подтвердил Август. – Уродец, покажи свой талант.

Коробящим слух голосом кот произнёс:

– Была бы нужда! – и гордо взмахнул хвостом.

– Так всё же. Зачем обмануть решил? – повторил вопрос альбинос.

– Понимаете, – начал Биф, – я ни разу не колол дров. Незачем это было на улицах Нордора. Ножом, топором, пользоваться умею, а вот колуном, – развёл руками, – нет. Вначале думал: ничего сложного. Ведь колун с топором похожи немного, но оказалось всё иначе. Вот и решился на обман, чтобы...

– Не разочаровывать.

– Ну, да. Не разочаровывать. Вы...

– Ты, – поправил Август.

– Ага, – кивнул головой Биф. – Хорошо. Вот, ты меня приютил. Кормишь. А я не смог выполнить порученную мне работу. Вот и решил...

– Ясно всё, – прервал Август. – Надеюсь, больше такого не повторится.

– Конечно! – обрадовался юноша. – Не повторится! Никогда-никогда! Я обещаю.

– Хорошо. Ты, наверное, хочешь есть.

Биф кивнул.

– Ладно. Сейчас, – Август подошёл к обеденному столу.

Снял с правой руки кожаную перчатку. Пару раз взмахнув обнажившейся ладонью, он кончиками пальцев постучал по столу. Тук-тук-тук.

С последним стуком явился и ужин. Или лучше сказать – выплыл из досок, из коих был сколочен стол. В самом центре стоял большой чугунок, доверху наполненный молодой обжаренной картошкой. Две деревянные глубокие тарелки с кристально-прозрачным студнем находились противоположно друг другу. Дополняла строй пара узорчатых разделочных досок с пучком перьев лука и порезанным на тоненькие ломтики салом. Замыкающими были пустая тарелка, ложка, вилка и кружка с маняще-розовой водой.

– Что...

Не дав договорить Бифу, Август сказал:

– Ты хочешь спросить, откуда это всё?

– Нет, – ответил юноша, – я хотел спросить: что за розовая вода в кружке?

– Ах, это... – альбинос надел перчатку. – Это компот. Садись. Ешь. А я пойду, со Снежком поговорю. Побеседую, – чуть искривил губы. – Мне Уродец всё рассказал, – Август снял плащ и вышел из дому.

Биф, в свою очередь, последовал совету – сел ужинать...

Август со Снежком вошли в дом в тот миг, когда сытый юноша отодвигался от стола.

– Запомни: три стука – появится кушанье; два – исчезнет, – Август присел на кровать. – Понял?

– Ага, – отозвался Биф. – Понял. Когда хочется есть – стучи по столу. Ясно.

– Хорошо. А по поводу Снежка – больше не бойся его. Я с ним поговорил.

Сумчатый дьявол опустил глаза, в знак подтверждения.

– Да я и не бою... – увидев суровый взгляд альбиноса, Биф сменил тему: – А откуда у тебя такой стол?

– Какой?

– Волшебный. Стукнешь, и еда появляется.

– Ведьмака зарезал! – на кухню вошёл Уродец. – Труп съел, а столик себе прибрал.

– Не мог бы ты прикусить язык?

– Хорошо, хорошо, – поднял голову кот и с гордым видом прошагал на улицу.

– У меня были другие вариации. Например, Злыдень. Или Гад. Но Уродец более созвучно. Не находишь?

– Что? – не понял Биф.

– Ты сам спрашивал: «Почему Уродца зовут Уродцем?» Я отвечаю. Характер у кота такой, – пояснил Август.

– Ясно.

Биф окинул взглядом альбиноса. Да кто он вообще такой, этот Август? Якшается с говорящим котом, который, небось, ведьмак заколдованный. Дьявол сумчатый ласкаться к нему так и лезет. Стол волшебный без должного внимания стоит. Хорошо хоть альбинос в него ножи не втыкает, да на щепы не режет. А то был один умник в сказке нордорской, Жак звали. Получил в награду от самого монарха подарок несказанный – Жар-птицу. И нет, чтобы любоваться ею, слушать песни распрекрасные (куда уж там!), взял да и сожрал бедную пташку...

Ход мыслей Бифа прервал стоящий у порога Август:

– Ко мне гости. Сиди дома.

– Угу, – отрешённо произнёс юноша, бросив взгляд на улицу сквозь кухонное стекло.

Гости стояли у ворот.

– Десять человек, – посчитал Биф и хотел было отстраниться от окна, но внезапно увидел Вению!

Сердце юноши ёкнуло. Что он-то здесь делает? Да ещё гостем?!

Перебежав в другую комнату, Биф припал к окну. Теперь он мог в мельчайших подробностях рассмотреть гостей Августа.

Вон тот, что стоит по правую руку Вени – Брэк. Далее – Рэм, Сад... О, да тут вся шайка!

Биф судорожно сглотнул. В этот момент на улице появился Август.

– Добрый вечер, – поздоровался он.

– Добрый, – из толпы вышел незамеченный вначале Бифом мужчина.

Известная витиеватая татуировка на лице говорила сама за себя. Бурая змея, разинувшая пасть, пыталась проглотить правый глаз, а её хвост, кольцами обвивающий стилет, заканчивалась на шее мужчины. Знак безжалости. Зелёное кошачье око на скуле, окружённое терновым венцом, обозначало не последнее место в воровской общине.

– Как поживаешь, Гретхем?

Гретхем?! Биф мысленно сполз на пол. К сожалению, он не ошибся при прочтении татуировок. Это был глава всех воров Западной Четверти!

– Потихоньку, помаленьку. А ты как, Белый ландыш? – поинтересовался Гретхем.

Биф чуть не вскрикнул! Это ж надо подумать: Белый ландыш?! Наёмный убийца, которого боялись все, но видели лишь единицы. Человек, напускающий страх одним своим именем. Белый ландыш! Человек-легенда! Белый ландыш!

– Не жалуясь, – пожал плечами Август. – Правда, настроение сегодня было испорчено...

– Я поэтому и пришёл к тебе. Эй, сопляк, подойди поближе! – Гретхем обернулся и поманил Веню пальцем.

Тот испуганно посмотрел на шайку. Ожидаемой поддержки он не получил. Даже прихлебатель Брэк делал вид, что ничего не происходит!

Веня робко подошёл к Гретхему.

– Это ты, сопляк, испортил настроение почтенному Августу? – зычно спросил глава.

– Я... Не...

– Что ты мямлишь?! Отвечай!

– Д-д-да, – чуть ли не плача, ответил Веня.

– Извиняйся! – потребовал Гретхем.

– Из... из... извините меня...

– На колени, упырь! – глава толкнул оборванца в спину, заставляя быстрее принять нужную позу. – Живо!

Веня, размазывая по лицу слёзы, встал на колени перед Белым ландышем.

– Извините меня.

– Громче! – взревел Гретхем.

– Извините меня!

– Ещё громче!

– Извините меня, пожалуйста! Я больше так не буду! – срываясь на плач, прокричал Веня.

– Ладно, Гретхем. Заканчивай, – произнёс Август.

Гретхем кивнул и резким движением перерезал горло рыдающему Веню. Мальчишеский плач сменился на бульканье.

– Брэк, ты будешь бригадиром, – приказал Гретхем. – Голову отрежете и бросите в выгребную яму центра. Труп – скормите дворовым псам. Но... – глава поднял вверх палец, – ... медленно, по кусочку. Здесь – всё уберёте. Вплоть до волоска. Ясно?

– Да, почтенный Гретхем, – склонил голову Брэк.

Любой оттенок синего цвета, используемый в татуировках нордорских мужчин, обозначает благородство крови. Кроме, конечно, голубой розы, накальваемой на скуле. Такая татуировка свидетельствует о насильственном удовлетворении мужчин. Причём накальвается она вне зависимости от желания будущего владельца.

Лицо Гивуса было усыпано сплошь синими татуировками. Три виноградные лозы причудливо переплетались на щеке – знак огромной поддержки со стороны благородных кровью. Почти незаметное слово «язвь» среди странной вязи завитков, красиво лежащей на правой стороне лица, обозначало фразу: «Я есть закон». (Татуировка королей). Голуболикое солнце с десятью лучами, наколотое на виске – возраст совершения первого убийства. И самая свежая татуировка – обломленный нож, на шее: «Не сомневайся в моей силе».

Наколота она была исключительно из-за комплекса неполноценности, с детства не дающего покоя Гивусу. С самого рождения негласный король Северной Четверти был ниже в росте и уже в плечах, чем его сверстники. К сожалению, с годами это не изменилось. Хотя и не помешало стать королём.

– Почтенный Гивус, Вы вызывали меня? – Брандэ, правая рука правителя Северной Четверти, склонился в поклоне.

– Да. Вызывал, – король махнул ладонью. – Присаживайся. Обсудить кое-что следует.

Советник опустил на одну из многочисленных подушек, лежащих на полу. Скрестил ноги.

– Я Вас слушаю.

Гивус медленно вдохнул носом воздух и произнёс:

– Как поживают мои верные друзья: Азор и Ратрон?

– Пока в мире и холодном спокойствии.
– Почему? – Гивус погладил «козлиную» бородку.
– Весть о Безбрачных дворах долетела до ушей Ратрона. Но он пока ждёт действий Азора.
– А как же смерть Харама?
– Вы совершенно правы, мой король. Незвестный убийца облегчил нам дело, но Ратрон не спешит разбираться с Азором. Его доносчики вычислят тёмную личность.
– Странно. Я думал, Безбрачные дворы, кои являются вместилищем развратных женщин, станут камнем преткновения. Очень странно.
– Вы правы, почтенный Гивус. Безбрачные дворы приносят баснословный доход...
– Тихо! Я думаю, – Гивус помассировал виски. – Так... Значит, делаем так. Брандэ.
– Да, мой король.
– Наберёшь людей с Западной Четверти и ночью затеешь драку с ребятами Азора. Но нужен масштаб. Чтобы была не простая стычка, а что-то серьёзное. Ясно?
– Но как? – недоумевающе спросил советник.
– Это твоя проблема, Брандэ.
– Будет исполнено, – советник вздохнул, встал и направился к выходу.
– Да, ещё! – Гивус поднял вверх указательный палец. – Желательно кого-нибудь убить со стороны Азора. И оставить, так сказать, маленький подарочек.
– Какой? – спросил Брандэ.
– Вырежи на животе трупа: «Король Ратрон».
– Да, почтенный.
– Мда, – причмокнул Гивус, погладив бороду.
Всё шло не так, как он предполагал. Ратрон не спешил резать горло королю двух Четвертей, хотя пора бы.

Люди Гивуса, представившись посланниками Азора, (Жаль их! Преданные были!) объявили о том, что Безбрачные дворы принадлежат отныне их королю. А затем последовало убийство Харама. Неоднозначное событие. Разве не повод? Но ничего. Зная горячую кровь Азора, Гивус был уверен: завтра же он начнёт мстить.

Негласный король Северной Четверти потёр руки. Завтра.

– Гивус, – из-за шёлковой занавески вышла Мелинда.

Её огненно-рыжие локоны волнами ложились на белоснежную рубаху – единственное, что было на женщине. Пышные, колышущиеся в такт дыханию, груди, казалось, готовы разорвать тончайшую материю возбуждёнными сосками. Крутые упругие бёдра, полуприкрытые подолом рубахи, при движении Мелинды производили аппетитно-манящие скольжения в воздухе.

– Да, любимая, – по телу Гивуса прошла сладостная дрожь.

– Я хотела спросить, – женщина поднесла к губам указательный пальчик, – как поживают наши детки?

– Не волнуйся, дорогая, с ними всё хорошо, – негласный король трепетно ловил глазами загорелую фигуру Мелинды.

– Замечательно. Но знаешь, что... – она наигранно надула губки.

– Что?

– Я хочу ещё одного, милый. И... – Мелинда подошла со спины к Гивусу, – ...причём... – её нежные пальцы пробежали по мужской груди, – ... немедленно!

Сгораемый от нетерпенья король развернулся, плотно прижал Мелинду к себе. Его грубые руки скользнули по спине, опускаясь всё ниже и ниже.

– Хорошо, хорошо, – шептал он, жадно целую шею, – я подарю тебе ребёнка, подарю. Завтра. Но только завтра...

Когда-то, совсем давно, Брандэ лицедействовал на ярмарочной сцене, чем и зарабатывал на хлеб. С тех пор у него остались полные сундуки различных безделушек, благодаря которым можно без труда изменить облик.

Слегка припудрив нос, там-здесь, переодевшись и показав язык зеркалу – так, на удачу, советник Гивуса вышел на улицу. Подул прохладный ветерок. Брандэ, поёжившись, немного попрыгал на месте, пытаясь согреться. Спустя какое-то время он плюнул на бесполезное занятие, и, плотнее укутавшись в лохмотья, направился в сторону «Рыжей бороды».

По правде сказать, эту дыру язык не поворачивался назвать кабаком. Грязная посуда, заплёванный пол, разбавленное пиво, да и женщины далеко не первый сорт – Брандэ передёрнуло. Вспомнился тот день, когда он впервые увидел самую дорогую и популярную проститутку «Рыжей бороды».

Старая женщина, лет примерно восьмидесяти, вальяжно расхаживала между столиков в чёрном корсете и кружевных трусиках. Её обрюзгшее с пигментными пятнами тело тряслось при каждом шаге. Получить аудиенцию у неё было почти невозможно. Женщина обслуживала только особо важных посетителей, и причём по записи!

Брандэ некоторое время постоял перед входом, несколько раз втянул чистый ночной воздух, решаясь войти. Из кабака отвратно несло перегаром и протухшей капустой. Слышался монотонный гул.

В «Рыжей бороде» советник заказал самое дешёвое пиво и подсел за столик к какому-то забулдыге. Залпом опустошив половину кружки, он пьяным голосом произнёс:

– Меня Крег зовут. А тебя?

Забулдыга оторвал голову от стола:

– Густав. Ой! Густав Ужасный.

– Выпьешь со мной, Ужасный?

– С радостью. Только... Ой!... у меня медяков нет больше.

Купив Густаву пива, Брандэ произнёс:

– Давай за знакомство.

– А-а-а, давай, – махнул рукой Ужасный.

Спустя несколько тостов и не одну душераздирающую историю о Густаве, Брандэ решил: пора.

– А хочешь, я тебе кое-что расскажу? Как брат брату. Но только ты, – советник поднёс палец к носу, – тсс!

– Рассказывай. Я нем, как это... Э-э-э... Рыба! Во!

– Слушай, – Брандэ наклонился вперёд. – Поговаривают, что шайка Хитрого собирается поквитаться с Акведуком, наплевав на соглашение королей. В скорые дни.

– Правда? – с Густава слетел хмель. – Не лжёшь?

– Неа. Но только – никому.

– Конечно, – Ужасный посмотрел на входную дверь. – Знаешь, мне пора. Э-э-э. Жена дома ждёт. Не против?

– Нет. Жена – святое. Понимаю, – советник сделал большой глоток. – Вот у меня...

Но Густава не было и в помине. Брандэ усмехнулся. По его расчётам, Ужасный уже на полпути к Акведуку.

Советник сделал ещё один глоток. Да, историю о двух враждующих ворах знали все. От мала до велика.

Она началась с того, что Хитрый, охочий до плотских утех, использовал в своё удовольствие одну из многочисленных дочерей Акведука. Тот хоть и не был ни дня женат, но к своим детям относится по-отечески, и подобного унижения простить никак не мог.

Отправив на кабальную ночь Хитрого свою бригаду, Акведук отдал приказ: кастрировать его. Стремящиеся проявить себя беззаконники разгромили кабак, но самого озорника не

нашли. Уходя, западники разбили пару керосиновых ламп, и последовавший пожар уничтожил не только заведение, а также несколько соседних домов.

На следующую ночь по городу прокатилась волна убийств – хитрецы зарезали в постелях десятки беззаконников Акведука. Среди мертвецов были не только западники, громившие кабак, но и дочь, послужившая поводом к войне.

Негласные короли, Азор и Ратрон, в одночасье прекратили творящийся беспредел на их улицах, избегая бессмысленной кровавой резни.

– Это ты, Крег?! – размышления советника прервал суровый бас.

– Я-а, – ответил Брандэ.

– Тогда рассказывай! Живо!

Советник поднял голову. О, да это Виви! Особо приближённый Акведука. Кстати, а где он сам?

– Ч-что? – с испуганным видом спросил Брандэ. – Я ни-ничего не знаю. О чём Вы?

– Ладно, – Виви одной рукой поднял советника за грудки и не торопясь вынес из кабака. Небрежно поставил у стены. – Повторяю последний раз. Что ты говорил насчёт Хитрого?

– Я... Ничего...

Последовал увесистый удар под рёбра.

– Вспомнил?

– Кажется, да, – лицо Брандэ исказила адская боль. Хотя ему удавались и не такие роли. – Я подслушал разговор Хитрого с корчмарём «Гнилого окорока». Совершенно случайно. Завтра Хитрый собирается свести счёты с Акведуком.

– При чём здесь корчмарь? Чувствую, ты мне лжёшь, – ещё один удар.

– Нет, нет! – Брандэ заслонился руками. – Просто в «Гнилом окороке» сегодня кабальная ночь. Корчмарь много задолжал Хитрому.

– Ну, ладно, – Виви свистнул. – Ребята, выходите.

Из ночной мглы появились три человека, одним из которых был Густав Ужасный.

– Сегодня мы наведемся в гости к Хитрому, а утром, как Акведук проснётся, получим от него щедрую награду... За заботу. А ты, – он ухватил, пытающегося улизнуть, Брандэ, – пойдёшь с нами. И если солгал, – в руке мелькнул нож, – будешь умирать долго и мучительно. А теперь пошли, – Виви толкнул советника в спину.

Брандэ ничего не оставалось, как повиноваться.

Кабальные ночи Хитрого были пределом мечтаний каждого низшего члена его банды, начиная от безусых юнцов-карманников. Пиво, свозимое в бочках загодя, лилось всю ночь, нередко разбойники слепли, но продолжали пить. Многие совмещали выпивку и курение трухи, привезённой из потаённых мест Белийских топей и рассыпанной по столам. В итоге любители дурмана прятались под столом или лестницей от видимых только им чудищ, орали благим матом, рыдали. Множество проституток, отрабатывающих долг перед Хитрым за защиту на улицах, в различных позах ублажали веселящихся всю ночь. Громко играли приволочённые с улиц нищие музыканты, но их трели заглушали пьяные голоса, распеваящие грустные песни о нелёгкой жизни воров. Первые лучи солнца, проникающие через запотевшие окна кабака, освещали клубок из тел, валяющихся на полу и столах в собственных экскрементах.

– Опа! – воскликнул Хитрый, увидев неожиданных гостей. – Посмотрите, кто к нам пожаловал. Виви собственной персоной. А где мой старый друг – А-кве-дук?!

Веселье мгновенно прекратилось.

– Захлопни пасть, гнида, – Виви вытащил из-за ремня нож. – За мной!

Грозная четвёртка ринулась в драку. Густав Ужасный, видимо, решив оправдать своё прозвище, сурово нахмурил брови и пнул стул. Получилось не то, что он хотел. Совсем не то! Его нога промахнулась мимо коварного стула, и Густав, изрядно матерясь, грохнулся на пол. Брандэ, стоящему в дальнем углу, показалось, что Ужасный покраснел. Чуть-чуть.

Виви в это время схватил одного из шайки Хитрого за грудки и бросил на стол. Его лицо исказила дьявольская улыбка. Словно бешеный, он, безумно крича, стал вонзать нож в грудь соперника. Ещё, ещё и ещё... Нервно толкнув стол, Виви повернулся в сторону бегущего к нему мужчины. Опустил руки, выпячивая грудь.

Хитрый, взобравшись на стол, метко кинул стеклянную бутылку с вином в одного из шайки Акведука. Тот попытался увернуться, но не вышло. Лоб вора залила алая кровь. Замычав, он схватился руками за голову, что и стало причиной его преждевременной кончины: пробегающий мимо человек Хитрого одним движением перерезал ему горло.

Корчмарь, напуганный творившимся бедламом, вместе со всеми женщинами скрылся на кухне.

Ужасный, увидев у одного из мужчин хищно блеснувший нож, в спешке бросился в сторону. Человек Хитрого, грозно вскрикнув, топнул ногой – чтоб дальше бежал!

Виви, зарезав ещё одного вора, кинулся к хохочущему на столе Хитрому. Тот проворно соскочил на пол, успев в воздухе отхлебнуть из зелёного бутыля! Виви запрыгнул на стол, бездумно размахивая ножом. Но тут же слетел обратно – хлещущая из носа кровь залила всё лицо. Хитрый грустно посмотрел на разбившуюся о морду Виви бутылку с вином. Она была последней.

Один из хитрецов решил было сунуться к Брандэ, но, получив увесистый удар по виску, передумал. Развернувшись, он бросился с воинственным кличем на помощь к предводителю, словно ничего не произошло.

Советник, стоящий в углу, разочарованно смотрел, как люди Акведука безоговорочно проигрывают. Двое из них были убиты, Виви с залитым кровью лицом катался по полу, а Ужасный во всю прыть бегал по кабаку. Что ж, придётся помочь.

Брандэ взмахнул правой рукой, выпуская в полёт шесть метательных ножей. Три из них, ударившись о стену «Гнилого окорока», упали на пол, остальные нашли цель, одной из которых стал Хитрый.

Два оставшихся вора, увидев, что их предводитель, захлёбываясь кровью, заваливается на бок, бросились из кабака. Брандэ не стал их останавливать. В «Гнилом окороке» остался лишь Ужасный да лежащий на полу Виви.

Густав, всё ещё не веря в победу, непонимающе хлопал глазами.

– Я же предупреждал: никому не говори, – подходя к Ужасному, произнёс Брандэ.

– Что? – пытаюсь отдышаться, спросил тот.

– Уже ничего.

Метательный нож по самую рукоять вошёл в глаз Густава.

– Ничего, ничего, – советник пнул всё ещё стоящий на ногах труп. – Ничего.

Брандэ медленно подошёл к лежащему Виви. Некоторое время смотрел, как тот, с пеленой на глазах, руками пытается закрыть рваную рану. Наклонил голову вбок, слегка высунул язык... и наступил ногой на горло. Западник захрипел, попытавшись помешать советнику. Но ослабшие руки не смогли удержать чужой сапог. Издав последний хрип, Виви затих.

– Вот и славненько, – потеряв руки, Брандэ подошёл к мёртвому Хитрому.

Присел рядом, разорвал на нём рубашку. Вытащив нож, резанул грудь. В этот миг в кабак ворвались Стражники Короны. Все в кольчугах, с красными плащами и при грозном оружии. Всё честь по чести.

– Стой! – крикнул один из них. – Не сопротивляйся, и мы тебе ничего не сделаем!

– Ладно, – Брандэ выпрямился. – Но знайте: я не виновен.

– Все так гово...

Но советник, решив попозже дослушать Стражника, выпрыгнул в окно. Ничего, здесь, во тьме, они его не догонят!

В несколько прыжков Брандэ взобрался на крышу стоящего рядом дома. Бросил взгляд вниз. Стражники, выбежавшие из кабака, удивлённо крутили головами.

170 день 900 год

Август прислонился к стене:

– Понравилось представление? – видя немое восклицание юноши, он продолжил. – На этом давай закончим. Я сильно устал. Все вопросы завтра. Хорошо?

– Д-да, – ответил Биф.

Белый ландыш кивнул и направился в сторону спальни, по пути снимая верхнюю одежду. Громко хлопнула дверь.

Потом ещё раз... Ещё... Под ритмичные хлопки двери в окошко залезла наглая рожа белой козы:

– Бе-е-е! А ты чего разлётся?! Бе-е-е!

Биф резко вскочил с кровати. Ошарашенно посмотрев вокруг и не увидев поблизости наглого животного, лёг обратно. Всё же какие бывают сны?! Реальные... Нет! Начало сна, вплоть до появления козы, было повтором окончания вчерашнего вечера. А вот само животное – просто отсебятиной...

– Ты, что, оглох?!

...хотя нет. На полу сидел Уродец и орал во всё горло.

– Хозяин дрова колет, а он тут, видите ли, бока отлёживает. А ну, встал!

Биф повернулся на бок.

– Будь ты хоть трижды ведьмаком, но я не люблю, когда на меня орут! – сказал он, не подумав.

Юноша ожидал грома, молний, от разгневанного колдуна в кошачьем теле, но Уродец лишь поднял вверх нос:

– Ведьмаком? Хм! – и удалился из комнаты.

«Ведьмаки – вредный народец. Чуть что – сразу в лягушку тебя или в муху превратят. Мало ли какой нрав у них? С ведьмаками надо поосторожней. Поуважительней. Тогда не тронут», – размышлял юноша.

Решив в дальнейшем следовать этому правилу, Биф вышел во двор. Август и вправду колот дрова.

– Ты уже проснулся? – взмах колуном. – Позавтракал?

Удар. Огромный узловатый комель развалился пополам.

– Нет. Пока не хочется, – ответил Биф. – Может, помочь?

– Спасибо, – сказал альбинос, поставив колун, – я сам справлюсь. А тебе дам другое задание. Но прежде... – откинув с лица прядь волос, Август присел на комель, – ...что вчера хотел спросить?

– Я, – Биф опустил взгляд. – Да...

– Правда ли, что я – Белый ландыш?

Юноша сразу закивал.

– Да, это так. Что-то ещё?

Немного помолчав, Биф произнёс:

– Не знаю. Нужно подумать.

– Вот и подумаешь. Только не здесь.

– А где?! – испуганно спросил юноша, мгновенно представив, какое наказание может придумать Белый ландыш за разоблачение.

– На рынке, – Август встал с комля. – Сейчас я познакомлю тебя ещё с одним членом нашей семьи. Вместе с ним ты и отправишься на рынок. Пойдём.

Размеренным шагом они подошли к амбару. Оттуда доносилось чьё-то сопение.

– Ваня, выйди, пожалуйста! – крикнул Август, подмигнув Бифу. – Познакомить тебя кое с кем нужно!

– Иду! – послышалось в ответ, и из амбара вышел Ваня.

Среднего телосложения мужчина с пышными чёрными усами. В старых потрёпанных с вертикальными бело-красными полосками шароварах, заправленных в припорошённые чем-то сапоги. Ситцевая рубаша с закатанными рукавами навывпуск. Странная, похожая на блин, шляпа, завершала облик мужчины.

– Ваня, знакомься. Это – Биф. Я тебе о нём говорил. Вы вместе пойдёте на рынок. Поэтому будь добр, покажись, как ты есть.

– Думаешь, надо, – Ваня почесал затылок. Отчего «блин» съехал набекрень.

– Думаю – да.

– О чём это вы? – спросил ничего не понимающий Биф.

– Сейчас увидишь, – пообещал Август.

Ненавязчиво подул ветерок. Слегка встрепенулась пыль под ногами. Где-то поблизости прожужжала муха.

– А что я должен уви... – собственный вопрос у Бифа застрял в горле.

Напротив, вместо усатого Вани, стоял бледный навий. С тёмно-синими губами и взъерошенными волосами. Юноша отшатнулся в сторону.

– Который раз смотрю, а всё не могу поймать момент, когда он меняет облик, – Август покачал головой. – Как умудряется? Не понимаю.

– Это... это... это навий! Мертвец! – вскричал Биф.

– Опять двадцать пять! – хлопнул по ноге себя Ваня. – Ей-Богу! Как что, сразу – труп. Надоело уже... Я же говорил: «Не надо», – последняя фраза, по-видимому, относилась к Августу.

– Ладно. Хватит на сегодня мальчика шокировать. Давай обратно.

– С превеликим удовольствием, – за этим последовал наигранный поклон.

– Вот опять, – произнёс альбинос, увидев вместо навья усатого Ваню. – Может ты понимаешь его? А, Биф?... Биф!... Биф!

– Да, – дрожащим голосом отозвался юноша.

– Помогите Ване в амбаре. Потом, когда всё сделаете, вместе сходите на рынок. Надеюсь, справитесь.

– Я тоже... надеюсь, – пересохшее горло однозначно требовало воды.

– Да, ещё, – Август обернулся. – Ваня, не смей есть Бифа. Вечером я тебя накормлю. Ясно?

– Так точно! Не есть Бифа! – Ваня с бравадой топнул ногой.

Белый ландыш одобрительно кивнул, и... оба расхохотались.

– Не бойсь! – когда Август ушёл, усач дружелюбно похлопал юношу по плечу. – Не ем я людей. По мне уж лучше курочки жареной или картошечки. Сам понимаешь.

– Понимаю, – Биф нервно сглотнул. – А теперь пойдём... поработаем. А?

– С энтузиазмом? Уважаю, – Ваня повернулся в сторону амбара. – Пошли! Покажу, что делать надо.

Биф медленно выдохнул, собираясь с силами. Мысленно поплевав через левое плечо и на полусогнутых ногах направился вслед за навьём – Ваней. День обещал быть длинным. Если, конечно, усач не солгал о предпочтениях в пище.

Сорок лет назад изменившую беременную жену продал в публичный дом собственный муж. Услышав такое, многие нордорцы прокляли бы этого недочеловека. Вендийцы же наоборот – назвали бы его почти святым, или же убогим.

Этот гордый народ, обитающий далеко за Кряжным лесом, имел совершенно иные нравы. Проживая маленькими общинами где-то в Вендетских горах, они редко контактировали с окружающим миром. Да и с другими вендийцами общались исключительно из-за запрета на кровные браки. В противном случае о горцах (как их прозвали жители Нордора) никто бы не знал...

Но, тем не менее, женщине от этого легче не стало. Её ребёнок должен был родиться от безродной проститутки, не имеющей и медяка за душой. Назвать матерью ту, которая, по завещаниям пращуров, должна быть убита мужем. Стать прислугой в развратном доме, если, конечно, хозяин разрешит жить...

Ему разрешили. С тех пор прошло сорок лет...

Азор раздражённо воткнул нож в землю. Да, с тех пор прошло сорок лет. И именно с тех пор он ненавидит не только развратные дома, но и огромные нагромождения камней, называемые в Нордоре жилищами. Даже маленькая деревянная избушка, в которой поныне живёт Ратрон, вызвала у него волну отвращения. А что говорить про жилище Гивуса – обширные каменные хоромы?

Азор по-отечески посмотрел на своё убежище – войлочную юрту, любовно поставленную во дворе рядом с каменным жилищем. Конечно, стоило отказаться и от высоких стен, окружающих дом, но элементарная безопасность говорила об ином.

– Извините за дерзость... – вот что происходит, когда забываешь вовремя спуститься с небес! – ... но у нас плохая весть.

Азор окинул взглядом появившихся людей.

Огромный мускулистый Базур с чёрной кожей стоял, смиренно опустив голову. Хан – низкорослый бородач, застыл в низком поклоне. Барбарис – гордый обладатель голубых татуировок, припал на правое колено. А Гризелл – иссохший старец, внимательно смотрел на короля, скрестив пальцы. Ба! Да тут все члены Собрания!... А это ещё кто?!

Азор различил за спинами своих людей троих мужчин, растянувшихся на земле:

– Кто это?!

– Один из них – корчмарь «Гнилого окорока»; а двое других – люди Хитрого, – ответил Гризелл.

– Ну, и что они здесь делают?! А?! – Азор начинал вскипать.

«Вот радости-то, в дом вваливаются члены Собрания, с какими-то безродными», – подумал он.

– Если позволишь, то мы присядем и всё расскажем тебе, – старец, не торопясь, опустился на траву рядом с Азором.

Члены Собрания незамедлительно последовали его примеру.

– Ну? Я жду.

– Вчера ночью бригада Акведука убила Хитрого и ещё шесть человек. Эти двое, – Гризелл головой качнул в сторону лежащих людей, – оставшиеся в живых хитрецы.

– Чего?! Акведук посмел нарушить соглашение? – Азор посмотрел на старца. – Соболезную.

Все сочувственно опустили голову. Хитрый был единственным внуком Гризелла. Единственным упоминанием о давно умершей дочери. Единственным сокровищем...

– Пусть подойдут, – Азор вытащил нож из земли, вытер лезвие о штанину и заткнул за ремень. – Обсудить кое-что нужно.

Хищно блеснув глазами, чернокожий Базур, опершись на правую руку, приподнялся над членами Собрания. Не торопясь, развернулся и ленивой походкой направился к лежащим на земле безродным. Он не стал себя утруждать, объясняя безродным, куда нужно проследовать, а просто схватил их за шиворот (одного – правой рукой; оставшихся двоих – левой), да бросил в

самый центр импровизированного круга. В отличие от перепуганного корчмаря, по-лягушачьи распластавшегося на земле, хитрецы вовремя подставили ноги.

– Присядьте.

Гости, не мешкая, приняли необходимую позу.

– Я бы хотел узнать, как это произошло, – Азор указательным и средним пальцами ткнул в одного из хитрецов. – Вот ты. Рассказывай.

Слегка смутившись, вор произнёс:

– Почтенный Азор, вчера вечером мы сидели в «Гнилом окороке». Всё было хорошо, пока к нам не ворвались западники...

– Что вы делали в «Окороке»? И кто к вам ворвался? Имена, прозвища.

– Брасс задолжал Хитрому, почтенный Азор.

– Кабальная ночь, – зло сплюнул негласный король. – Это правда, корчмарь?

– Да, почтенный Азор. Правда, – Брасс склонил голову.

– Ну, и кто к вам ворвался?

– Виви, а с ним ещё четыре человека, – на лбу вора проступили крупинки пота.

– Кто он такой? – Азор окинул взглядом присутствующих.

– Правая ручка бригадира – Акведука. Вора из западников, – ответил Хан. – Так, пешка.

– Пешка, говоришь! – король снова вскипал. – Почему же тогда он убил Хитрого?!...

Ладно, – Азор попытался успокоиться. – Кто остальные?

– Грен и Болл, – но, увидев немой вопрос Азора, Хан продолжил: – они из Акведуковской шайки.

– А другая пара?

– Мы не знаем. Они ушли, – развёл руками бородач.

– Так. Как те западники выглядели?

– Один из них был вроде Густавом, – дрожащим голосом ответил второй хитрец.

– Вроде?!

– В кабаке было темно. Я плохо разглядел. А второй... Я ни разу не видел его среди акведуковцев, почтенный Азор.

– А ты? – король перевёл взгляд на первого.

– Я тоже его раньше не видел. Но у него, кажется, татуировка была. Да! Чёрная слеза на правом веке.

– «Скорблю по усопшим родителям», – задумчиво произнёс Азор. – Ещё что-нибудь?

– Нет. Больше я ничего не разглядел.

– Ясно. А что ты скажешь, корчмарь?

– Извините. Но я ничего не знаю, почтенный Азор.

– Почему же?

– Я всю драку просидел на кухне. А когда вышел – никого, кроме Стражников Короны не было.

Азор окинул взглядом троих мужчин. Навряд ли они лгут. Незачем это им. Слишком уж они зависят от него.

– Покиньте нас, – король прикрыл глаза. – Встаньте у стены и ждите. Живо!

Гости покинули круг, словно их и не было.

– Что скажете? – Азор обратился ко всем членам Собрании. – Я слушаю.

– Нарушено соглашение, следует наказать безродных западников, – инфантильно произнёс Барбарис.

– А если Акведук ни при чём? – Хан чуть не соскочил с места. – Я считаю, нужно во всём сначала разобраться, а потом уже резать глотки! Вдруг его подставили? Мы и так с Ратроном не в хороших отношениях!

– Хм! – громко хмыкнул Базур, прерывая бородача.

– А ты почему молчишь, Гризелл? – удивился Азор.

– Я думаю, моё мнение и так ясно, – старец положил руки на колени.

– Значит, смерть.

– Нельзя же так! – вскричал Хан. – Этим мы можем объявить войну Ратрону. Ведь его человек!

– Тихо! Большинство решило, – сурово произнёс Азор. – А теперь сиди и наматывай на ус! – он сменил тон на более мягкий. – Мы поступим следующим образом. Ты, Хан, вместе с хитрецами отыщешь этого Густава. Гризелл, – тот склонил голову, – устрой прощальный вечер своему внуку. Корчмарь тебе поможет. Барбарис, надеюсь, сможешь найти пятого. Со слезой на веке.

– Сделаю, – благородный погладил шпагу, висящую у бедра. – Можешь не сомневаться.

– Замечательно. А ты, Базур, – Азор улыбнулся, – убьёшь Акведука. Ясно?

– Да! – пробасил гигант. – Убью!

– И вот ещё, – король протянул два медяка. – Возьми.

– Зачем это ему? – не понял Хан.

– Цена за убитого пса.

И два медяка упали на огромную ладонь Базура.

Биф ведром зачерпнул зернисто-травяной сор, названный Ваней отходами, и направился к противоположной стороне амбара. Подойдя к перегородке, он, перевесившись, высыпал сор за прибитые доски. Затем снова пошёл за отходами. Усложнялась работа тем, что Бифу приходилось поглядывать на Ваню, а то кто его знает. Укусит со спины, не сдержавшись, или ударит чем-нибудь, дабы после пообедать. Навий он и есть навий. Ничего хорошего от него не жди.

– Всё, перекур, – скомандовал Ваня и сел на перевёрнутое ведро.

Биф, немного потоптавшись, сделал то же самое.

– А знаешь, – махнув правой рукой, произнёс усач, – здорово ты Снежка-то утихомирил! Ходит, словно в воду опущенный. Первый раз его таким вижу. Молодец!

– Да он сам провалился, – засмутился Биф.

– Знаю, знаю. Сегодня всё утро крышу чинил. Огромная дырень была.

– Так он сам не маленький.

– Да, м-м-м, – причмокнул Ваня. – Не маленький.

Наступило неудобное молчание...

– Ваня, а как называется твоя шляпа? – задал спасительный вопрос Биф.

– Мне её Август подарил. Кепка, говорит, называется. Удобная, я тебе скажу, вещь.

– Кеп-ка, – словно пробуя на вкус, повторил юноша. – Слушай, Ваня. Я могу тебе задать личный вопрос?

– Почему же нет? Задавай. Я люблю вопросы... – усач, прищурился, согнул-разогнул указательный палец, – ... с подковыркой.

– А ты, правда, того... ну... навий?

Ваня добродушно улыбнулся:

– Ты всё с этим, – положил руки на колени. – Ладно. Скажу, чтоб не волновался. А то спать не будешь, – он потёр руки. – Нет. Я не навий. Я – лавр. Народ такой. Нас ещё мертвяками называют или, по-другому, болотными людьми.

– Почему?

– В смысле? Почему мертвяками?

– Нет. Болотными людьми.

– А-а-а-а! – Ваня чуть не упал с ведра. – Дык, мы на болоте живём. В Белийских топях. Это недалеко от Нордора. С западной стороны, если смотреть.

– Ясно. А я-то думал...

– Так все думают. Ты – не первый. А нас знаешь, сколько в Нордоре?!

– Нет.

– Сотни. Тысячи. Много, короче. И некоторые даже очень уважаемые люди. Очень.

– Понятно, – решив воспользоваться моментом, пока Ваня разговорчив, Биф задал давно терзающий вопрос. Он появился у юноши с начала работы. – Зачем мы это делаем?

– Что? – не понял усач.

– Ну, перетаскиваем отходы от одной стены амбара к другой.

– Ты там большую воронку видел?

Биф отрицательно качнул головой.

– Э-э-эх! Пойдём, покажу, – Ваня встал с ведра. – Так понятней будет.

Усач лихо перелез через перегородку и стал усердно разгребать отходы. Потом довольно хмыкнув, приподнял лежащую в зернисто-травяном соре доску. Отошёл в сторону:

– Теперь, видишь?

– Да, – произнёс Биф.

Большая, в несколько обхватов, воронка, сбита из досок, странно поблёскивала серым листом металла, покрывающим её внутреннюю сторону.

– Вот, по этой штуковине, – Ваня похлопал по краю воронки, – отходы поступают к свиньям, коровам, курам. Короче, ко всей живности, которую мы держим.

– Но зачем? – удивился Биф.

– Как зачем?

– Так. У вас же есть волшебный стол, – но, увидев недоверчивый взгляд усача, поправился. – Или нет?

– Как тебе сказать, – Ваня перелез через перегородку, прикрыв предварительно воронку. – Он, конечно, волшебный, но... в меру, что ли? Или... – лавр задумался, пытаясь найти нужные слова. – Как же сказать-то? М-м-м. Готовит он сам, но мясо, картошку, рыбу, как бы даём ему мы. Понял?

– Да, – и, немного подумав, добавил: – вроде.

– А-а-а! – махнул рукой Ваня. – Легче показать.

Он подошёл к стене, расположенной напротив входа в амбар, нагнулся, и, пробормотав что-то о матери криворукого строителя, открыл маленькую дверцу. Такую крошечную, что Биф едва мог протиснуться в образовавшийся лаз.

– Добро пожаловать! – распрямившись, произнёс усач. – Лезь давай. Я следом за тобой.

– Может, обойдёмся без этого? – Бифа не прельщала затея застрять в узком проходе.

– Не получится, – Ваня подтолкнул юношу. – Тем более чуть подальше он расширяется. Ты даже соскучиться не успеешь. А теперь – давай! Лезь.

Осознав, что отказаться не получится, Биф на коленях пополз по узкому лазу. Ругая при этом себя за глупый вопрос.

Как ни странно, Ваня не обманул, и вскоре они вместе шли по широкому проходу. Старые доски, устилавшие пол, мерно поскрипывали под ногами. Голубоватый свет, изливающийся откуда-то сверху, приятно успокаивал взгляд. А запах сырости медленно, но неумолимо сменялся на непереносимую вонь, режущую глаза.

– Чувствуешь, – усач носом втянул воздух. – Так пахнет только мясо. Непередаваемо. Правда?

– Да. Непередаваемо, – Биф прикрыл нос ладонью. – Слишком уж непередаваемо.

– Ничего. Скоро принохаешься, – пообещал лавр.

– Угу... А откуда здесь свет?... Он такой приятный.

– Это люминесцентные лампы.

– Люм... сцент... Чего?!

– Приспособление такое. Напоминает стеклянные трубки. Их Август принёс. Говорит, у купца одного приобрёл.

– И отчего же они работают?

– А чёрт его знает! – Ваня почесал затылок. – Я как бы не задумывался над этим. Да и зачем? Работают же.

– Как зачем? А если сломаются?

– Это к Августу, – усач повёл головой в сторону, – он у нас мастер на все руки. Во всем разбирается.

– Поня-я-ятно, – растянул слово Биф. – Долго нам ещё идти?

– Нет. Ты только зенки протри. Да, вперёд посмотри. Белмес?

– Что?

– Тьфу на тебя! – вскричал Ваня. – Перестань на меня пялиться, говорю. Вперёд взгляни!

Внезапно осознав, что и вправду смотрит зачем-то на лавра, Биф смущённо перевёл взгляд.

Пережаренной глазуньей полуденное солнце висело над полем. Где-то вдалеке, на горизонте, тянулись тёмно-зелёной полосой пышные леса. От них кровеносными сосудами по полю расстилались прямоугольные загоны, стоящие впритирку друг к другу. В одном беззаботно рыли почву свиньи, в другом – лениво жевали траву коровы, в третьем – расположились возле чана, наполненного водой, утки, в следующем произрастала пшеница. И так можно перечислять долгое время.

Но Биф не стал себя утруждать столь нудным занятием – его взору предстало кое-что интересное. А именно, небольших размеров куб голубовато-небесного цвета, стоящий в одном из загонов. В соседнем – чуть поменьше. В следующем – вообще огромный. В четвёртом – ...

– Для чего это? – вырвалось из уст удивлённого Бифа.

– А кубы, брат, – Ваня поднял вверх указательный палец, – Подают «волшебному столу», как я тебе говорил: мясо, рыбу, картошку. Короче, всё, что ты видишь сейчас перед собой.

– Но, как?

– Магия... по крайней мере, я так думаю! А вообще, Августа спроси. Это он их тут поставил.

– Один?

– Почему же? – лавр поскрёб пальцем лоб. – Вместе с Тароном. Как мне помнится. Да и неважно это. Главное вот что, – он сменил шуточный тон на заговорщицкий. – Запомни: голубой цвет – всё хорошо. Зелёный – куб наполовину полон. А жёлтый – значит всё, пустой донельзя. Запомнил?

– Та-рон. Я вроде слышал о нём. Немного. Кто он такой?

Ваня сморщил нос:

– Был тут один. Правитель, так сказать. Был, да сплыл. Семнадцать лет назад. Исчез. И туда ему дорога.

– А-а-а. Вспомнил! Но тогда – почему? – спросил Биф.

– Что «почему»?

– Почему ты о нём так отзываешься? Тарон же, как мне рассказывали, был великим колдуном, ведьмаком; справедливым негласным королём Нордора, да и человек хороший. – увидев суровый взгляд лавра, юноша осёкся. – По крайней мере, мне так говорили, как я помню.

– Мало ли, что тебе говорили! – вспыхнул Ваня. – Урод он был! И больше никто! Ясно тебе?! У-род! Всё, пошли. Отходы ждут.

Махмут – тридцатилетний мужчина с длинными усами и вздорным характером, с наслаждением отхлебнул крепкого пива. Ночная смена закончилась, и поэтому Стражники Короны забежали в «Восьминогую собаку», чтобы пропустить по кружечке. Перед сном полезно, да за

удачную сделку выпить не грех. Как бы оно ни было, но раскрасневшиеся Стражники сидели в кабаке уже значительное время.

– Так как ты продал его? – спросил в сотый раз не унимающийся юнец.

– Ладно, ладно, Янг, – Махмут вытер рукавом пену с усов. – Расскажу. Так что: слушайте и учитесь! Пока я жив.

Сидевшие Стражники дружно заржали, принявшись стучать кружками по столу. В знак одобрения.

– Было так, – Махмут сложил руки на грудь. – Пока вы бегали по всему Нордору в поисках шустрого убийцы, я, как всё знают, остался стеречь трупы. Ходил по кабаку взад-вперёд, думал.

– О чём?! – надеясь услышать развратные фантазии старшего по званию, спросил Янг.

– Тебе скажи, – Стражник крякнул.

Покраснев, Янг по привычке втянул голову.

– Не отрывайся по пустякам, Махмут. Интересно же, – произнёс умоляющим тоном Трассо.

– Так вот. Ходил я по кабаку, никому не мешал. Работал, одним словом. Как вдруг, – Стражник сделал лицедейскую паузу, – в кабак вошёл неизвестный мужчина.

– Ну, и что ж ты его не прогнал?

– Да я хотел, – стал оправдываться Махмут. – Но он на колени пал. Стал умолять, чтобы я отдал ему тело племянника.

– Зачем это? – удивился Трассо. – Ведь ровно через три дня труп всё равно бы отдали родственникам. Как ни крути.

– Ага. А эти три дня оно бы спокойно разлагалось в труповозке, – ответил Янг.

– Тоже самое и сказал мне незнакомец, – поддержал юнца Махмут. – Да и какая разница. Три дня раньше, три дня позже. Главное – у кого золото!

– Всё равно не понимаю, – произнёс Трассо. – Но ладно, рассказывай, что дальше.

– Апасле этот хмырь предложил мне пять золотых, – Махмут поднёс кружку, надеясь выпить. Но, увидев пустое дно, слегка расстроился. – Эй, принесите мне пиво! Пиво! – Стражник вскочил на ноги. – Быстрее! Я ждать не намерен!

Стоило лишь Махмуту опуститься на стул, как возле него появилось желаемое. Полнотелая женщина в вызывающем платье умело поставила возле Стражника кружку, слегка коснувшись бедром.

– Эх! – Махмут, отдав несколько медяков, хлопнул служанку по попке. – Я сегодня к тебе зайду. Обязательно.

Хихикнув, женщина скрылась на кухне.

– Ну, – не сдержавшись, произнёс Трассо. – Что дальше-то?

– Да, поторговались мы с ним чуть-чуть. Самую малость. Сошлись в цене. И забрал он труп. Вот, – Махмут сделал глоток. – Вот так всё и было.

– А цена-то какая? – загорелся Янг.

– Всё тебе хочет... – Махмут, попытавшийся погрозить кулаком, неуклюже пал на стол.

Стражники, решившие, что это очередная шутка их сотоварища, дружно загоготали, откинувшись на спинки стульев.

– Вот, лицедей-то!

– Хох-мач!

– Ну, даёт! – слышались их одобрения.

– Мужики, – Янг прикоснулся к шее Махмута, – он не дышит! Совсем!

– Как?! – Трассо вскочил со стула. – Как «не дышит»?

Стражник приподнял голову Махмута. Пальцами разлепил веки.

– Зрачки закатились, – Трассо положил два пальца на шею. – Отравили! Гады! – окинув сотоварищей, он через зубы scomандовал: – За мной! – и мгновенно рванул на кухню.

Нерастерявшиеся Стражники единым порывом побежали за Трассо. К сожалению, было поздно. Служанка, подавшая Махмуту пиво, лежала на полу с перерезанным горлом.

Центральный рынок Нордора имел необычайную историю возникновения. Она начиналась задолго до появления самого города. И со временем стала восприниматься нордорцами как обычный миф. Но тем не менее, эта история имела место быть.

Когда-то, совсем давно, от самих Вендетских гор и до истоков, породивших Белийские топи, согревали округу горячие пески пустыни. По ним, не жалея сил, проходили многие караваны, тем самым сокращая путь до столицы могучей страны – Кряжницы.

Правивший по ту пору князь – Святослав, обеспокоившись чистотой пустыни, был вынужден издать указ, в котором запрещалось справлять нужду в горячих песках. Конечно, навряд ли кто-нибудь стал исполнять прихоти властедержавца, если бы не карающие отряды. Словно мухи, они находили одного отступника за другим и предавали казни. Купеческие караваны стали всё реже проходить через пустыню.

Скорей всего, торговцы бы вовсе забыли кратчайший путь до Кряжницы, но благодаря одному человеку этого не произошло. Получив, неизвестным никому способом, разрешение от князя, спаситель расположил в ходе дня друг от друга выгребные ямы. А рядом с ними стал приторговывать различными безделушками и необходимой для столь пикантного дела бумагой.

Вскоре возле одной из ям, находящейся в дне пути от Кряжницы, начал появляться маленький рынок. Со временем он стал разрастаться, и многие купцы, не доходя до столицы, с выгодой продавали весь товар именно там. Смекнув, что с рынка можно получать весьма недурные доходы в казну, князь Святослав объявил его крепостью великой Кряжницы.

Никто не спорил. Вернее, не имел права.

Со временем крепость стала городом, с собственным наместником и стражей. Спустя ещё какое-то столетие Нордор объявил себя самостоятельной державой, отделившись от Кряжницы.

Сменивший Святослава Ярополк не стал возражать, по слухам, будучи уверенным, что отступник-град очень скоро вновь вернётся в великую державу. И тогда Нордор можно будет по праву удушить справедливыми налогами.

На самом же деле истинной причиной беспрепятственного обособления одного из городов Кряжницы послужила банальная война, а не уверенность князя в возвращении. Ярополк был просто не в силах стянуть боевые отряды для усмирения нордорцев, и поэтому согласился на их отделение. Оставалось только ждать.

Но время проходило, а Нордор, окружённый со всех сторон горячим песком, не думал возвращаться под крыло кряжницкого князя. Внук Ярополка, Мстислав, пытался исправить ошибку деда, но смута в великой державе и многочисленные войны с другими государствами не позволили ему вернуть всё на былые места. Вскоре Кряжница исчезла со всех карт мира, а вместо её столицы появился густой лес, прозванный Кряжным.

Счастлирое стечение обстоятельств, вызванное непониманием среди держав-победителей, позволило стать Нордору единственным владельцем земель сгинувшего государства. Хотя и ненадолго.

Спустя десяток лет ослабшая, но всё же взявшая верх над остальными союзниками, держава потребовала от Нордора передачи всех земель Кряжницкого государства. Нигмунд IV – монарх страны-города отказал. Разгорелась война.

Наступили пять лет самых кровопролитных лет в истории Нордора, решивших дальнейшую судьбу города. И вот в 191 день 800 года состоялась грандиозная битва, поставившая жирную точку в существовании Норландского государства. Оно было стёрто на веки вечные.

А Нордор стал неоспоримым владельцем земель Кряжницкого и Норландского государств, которые очень скоро пришли в запустение. Так началось существование единственного в мире города-державы.

На этой фразе сказители доставали из-под стола лиру, либо другой музыкальный инструмент, и начинали петь.

Бифа, не раз слышавшего миф о появлении центрального рынка, интересовало на данный момент лишь одно. Что именно попросил купить Август? Ведь продуктовые лавки остались далеко позади, вместе с другими продающими различную утварь для дома. А впереди уже маячили ворота Красного угла – той самой части рынка, куда простые нордорцы не ходили. И причиной тому была непомерная плата в десяток золотых монет за вход, кои следовало отдать Стражникам.

– Мы идём в Красный угол? – спросил семенящий за лавром Биф.

– Да. Не отставай, – ответил Ваня, ускорив шаг.

Ворота Красного угла не были никакими воротами, и даже не дверцами, а обычным лежащим поперёк прохода бревном. Возле которого дремали, откинувшись на спинки стульев, Стражники. Но стоило лишь подойти, как они сразу же соскакивали с места, моментально принимая бодрый вид, словно и не спали вовсе!

– Добрый день, уважаемый, – внезапно появившийся Стражник преградил путь. – Вы желаете войти?

– Да, – Ваня отсчитал два десятка золотых монет. – Он, – лавр головой указал на Бифа, – со мной.

– Сейчас, – улыбающийся Стражник пересчитал монеты, хмыкнул и вручил Ване два клочка бумаги. – Всё хорошо, уважаемые. Проходите.

– Спасибо, – лавр спрятал купленные билеты под кепку, заспанно зевнул. – Ну, пошли, Биф. Познакомлю тебя с ци-ви-лиза... тьфу! Как же там говорил Август? – прикусив язык, задумался. – Короче, покажу, как жить надо!

С этими словами лавр перешагнул лежащее на пути бревно. Биф незамедлительно последовал за ним. Конечно, юноше доводилось видеть Красный угол ранее, сквозь узкие щели в заборе. Да и что скрывать, был он в нём. Вместе с другими уличными мальчишками. Они тогда пытались обчистить одного скрягу, но, увы, ничего не вышло. Бдительные Стражники быстро отбили у них охоту появляться здесь.

Но сейчас же, когда билет куплен, Красный угол представился Бифу совершенно в ином облики. Широкие проходы, устланные каменной плиткой, не были запружены людьми, как это обычно происходило на рынке. Торговцы совершенно спокойно занимались своими делами, не обращая внимания ни на прилавок, ни на прохожих. Одни пили горячий взвар из пиал, другие курили диковинку из далёких краёв – чем-то похожий на самовар кальян. А иные безбожно храпели, спрятавшись под прилавком.

Мимо прошёл купец, татуировки которого говорили о низком происхождении, однако, его плащ – расшитый золотыми фразами из страниц Имущественного Уложения – кричал о высоком положении в управленческой иерархии над корпорациями.

– Вот это – рынок! – восхищённо произнёс Ваня. – Ни толкучки, ни криков озверевших купцов. Лепота! А ты что думаешь?

Биф хотел было ответить, но...

Зелёноволосая девушка с голубыми глазами внимательно что-то рассматривала возле одного из прилавков. Стоящий рядом с ней мужчина бережно держал на руках ярко-алый плащ, явно принадлежавший ей.

– Кто это? – замороженно спросил Биф, не отводя взгляда от незнакомки.

Без плаща девушка выглядела ещё привлекательней. Голубая безрукавная рубаха, доходящая до пояса, плотно обтягивала тело, подчёркивая фигуру. Тёмно-зелёные,

вышитые жёлтыми нитями, штаны были старательно заправлены в бескаблучные сапоги с узким носом.

– Это Роксана, дочь Ратрона.

– Роксана, – повторил Биф.

– Да, – согласился лавр. – Народ поговаривает, что она того, – он пальцем повертел у виска. – Сумасшедшая, в общем.

– Не смей так говорить!

Ваня вопросительно посмотрел на юношу.

– Извини, – Биф виновато опустил голову. – А почему... почему так говорят?

– Во всём виноват Тарон. Он, знаешь ли, когда родилась Роксана, стал очень часто навещать Ратрона. Ну, и с ребёнком, естественно, нянчился, – лавр бросил последний взгляд на девушку. – Пошли, по дороге расскажу. Нам ещё много дел предстоит выполнить.

– Хорошо, – с неохотой согласился Биф, – пошли.

– Так вот, – продолжил усач, стоило им немного отойти, – за время, которое он нянчился с Роксаной, ребёнок научился разговаривать вполне, как рассказывают люди, смышлено, а потом Тарон исчез. И с тех пор Роксана не говорит даже с родным отцом, – закончил Ваня. – Я думаю, этот старый урод украл у неё душу. Не зря же колдуном был.

– Почему ты так ненавидишь Тарона?

– А за что его любить? – наступила пауза. – Ладно, хватит об этом. Тем более мы уже пришли.

Старенький покосившийся прилавок, возле которого остановился лавр, находился вблизи забора, отделявшего Красный угол от остального рынка. Худощавый купец с широким шрамом во всю щёку, удобно расположившись на маленьком стульчике, задумчиво ковырял в носу.

Ваня, ничуть не смутившись, кашлянул:

– Я, надеюсь, не помешал?

Купец, оторвавшись от увлекательного занятия, посмотрел на лавра. Изучил и расплылся в улыбке:

– Ваня! Это ты?

– Нет, блин. Не я, – пробурчал усач. – Не видишь, что ли? Сам Нигмунд VI пришёл к тебе в лачугу, поэтому падай ниц и целуй пятки.

– Ты всё остришь? Не надоело ещё? Сколько лет прошло, а ты всё как ребёнок, – купец махнул рукой. – Да ладно. Зачем пришёл-то?

– Меня Август послал. Сказал, что всё готово.

– Ясно, – мужчина залез под прилавок и достал мешок, наполненный чем-то под завязку. – Вот, держи.

– А что там? – спросил любознательный Биф.

– Это ещё кто с тобой? Что-то раньше я его не видел.

– Неважно, – ответил усач. – Меньше знаешь – крепче спишь.

– И то правда, – согласился купец. – Ладушки. Берите товар да уходите. Мне работать нужно.

– Согласен, – лавр передал мешок Бифу. – Ещё свидимся. До встречи!

– Ага, – согласился мужчина, присаживаясь на стульчик, – Ты, если что – заходи ко мне вечером. Вина попьём. Былое вспомним.

– Ладно. Приду, – пообещал Ваня, направившись прочь от прилавка.

Взвалив мешок на себя, Биф поспешил вслед за лавром.

– А куда мы идём? – спросил Биф гордо вышагивающего Ваню.

Они уже давно покинули рынок, и, судя по направлению, в котором шёл лавр, пока, по-видимому, не собирались домой.

– К Южным воротам, – не скрывая, ответил усач.

– Зачем?

– Ну, ты непонятливый, – возмутился лавр. – Зачем нужны ворота? Чтоб можно было покинуть город, или наоборот – войти в него. Зачем же ещё?

– Но как нас пропустят? Уже поздно ведь. Караваны приходят только по утрам, поэтому войти и зайти в Нордор можно только с ними. А так – ворота ни за что не откроют. Тем более ради двух человек.

– Откроют, – успокоил Ваня, – Уж поверь мне.

– Хорошо, – согласился Биф. – Ну, допустим, выйдем мы из Нордора, и дальше что?

– Да, так. Нужно кое-какие травки сорвать, – уклончиво ответил лавр. – А ты что волнуешься? Боишься чего?

– Нет. Просто так спросил.

– Вот оно что. А то смотри – можешь в Нордоре остаться. Я быстро.

– Нет. Лучше с тобой пойду. Подсоблю, коль надо.

– Как хочешь, – произнёс усач, поправив съехавшую кепку. – Кстати, ты сегодня с Уродцем не говорил?

– Только утром. Да и то, это разговором не назовёшь. А что?

– Обиженный ходит, – пояснил лавр. – Говорил, у тебя спросить, коль интересно.

– И? – не понял Биф.

– Вот я тебя и спрашиваю.

– А-а-а. Так, не знаю. Он меня разбудил, мягко говоря. Я немного вспылал, сказал, что не потерплю, когда на меня орут. Даже ведьмаки! Без разницы.

– Ясно, – улыбнулся Ваня. – Ты его ведьмаком назвал.

– А что, он разве не ведьмак? – удивился Биф.

– Не-е-ет. Уродец – не ведьмак. Он – кот! Просто раньше у него был хозяин... Ну, до Августа. Вот... так тот хозяин был ведьмаком. И однажды, видимо, перепив малость, решил позабавиться. Взял да и наделил Уродца человеческой речью.

– Что в этом плохого-то? – наморщил лоб Биф. – По-моему, наоборот – доброе дело совершил.

– В том, что говорить научил, ничего плохого, конечно, нет, – согласился лавр. – Но, понимаешь, вместе с этим пьяный ведьмак немного изменил и желания кота.

– Как так?

– Ну, – усач закусил губу, – с тех пор, как Уродец научился говорить, ему, так скажем, перестали нравиться кошки.

Юноша округлил глаза:

– И кто же ему сейчас нравится?

– Женщины, – подтвердил догадку Ваня. – Думаю, сам понимаешь. Какая женщина захочет с котом? Вот поэтому Уродец и ненавидит ведьмаков. Всех. Без разбору. А насчёт того, что он обиделся. Не волнуйся. Уродец у нас отходчивый. К вечеру перестанет дуться.

Биф хотел ещё что-то спросить, но усатый Ваня приложил палец к губам. Тс-с-с-с! Южные ворота уже близко...

Помнится, ещё Эльнер Земмурский писал в своих «Путеводных заметках» об опасностях, таящихся при посещении Нордора. И самой первой, как указал он, являлись ворота, а точнее, те, кто поджидал уставшего путника за ними.

«Будь осторожен странник, идущий вне каравана, – писал Эльнер, – ибо за воротами, в Нордоре, тебя поджидают дети греха – проститутка и юрист. Первая, воспользовавшись твоей

усталостью, украдёт последние медяки, а второй – уличит прилюдно в воровстве и унижении благородной женщины, за что ты, путник, можешь сыскать смерть в тех краях».

К сожалению, Эльнер был прав. В чём Биф неоднократно убеждался. Правда, с тех времён, когда странник Земмурский посещал город, кое-что изменилось, в худшую сторону. Появился третий встречающий, прозванный среди нордорцев «мясником». Этот радушный человек почти за бесценок потчевал усталых путников. Два-три медяка за чашу жареного мяса. Разве голодный странник пожалеет их, чтобы насытить желудок? Конечно же, нет. А вот нордорец – да. И не потому, что жаден до медяков. Не поэтому. Просто каждый нордорец знает: жареное мясо, предлагаемое за бесценок, позавчера ночью разлагалось в труповозке. В лучшем случае вчера, что не намного лучше, как ни крути.

Хотя, впрочем, если уж на то пошло, нордорцам было абсолютно наплевать – выживет чужеземец или нет после радушного приёма встречающих. Их не касается – и ладно. А остальное – гори синим пламенем!

Причиной такого отношения к чужеземцам были многочисленные караваны, испокон веков оставляющие в городе грязь да болезни. Вороватые дети, сопровождающие торговые обозы, создавали проблемы горожанам и Стражникам Короны. Аферы, проворачиваемые нечистыми на руку караванщиками. Жуликоватые торговцы, увозившие из города большое количество золотых. Всё это привело к инфляции казны. С караванами стали меньше торговать, а со временем – и вовсе разрешили въезд только по утрам.

Подобное отношение к торговцам постепенно перешло ко всем, кто входил в город. Если богатому приезжему прощалась его «пришлость», то обычные странники несли двойную ношу унижений и хамства. Даже просто проходящий мимо города путник, решивший пополнить запасы провизии на рынке, подвергался оскорблениям со всех сторон, вплоть до отказа торговать с ним.

Эту ненависть общества использовали в своих целях многочисленные главы гильдий, которые на очередных выборах переключали внимание людей на вопрос эмиграции, отвлекая народ от действительно важных вопросов.

Вот поэтому Бифа, стоящего возле сторожевой башни, волновало сейчас совершенно иное. Каким образом Ваня решил покинуть Нордор?... Был, конечно, ещё один вопрос: «Что в мешке, болтающемся за спиной от самого рынка?». Но он откладывался, до разрешения первого.

Лавр осторожно постучал в обитую железом дверь стражи, металлический звон огласил тихий вечерний переулок. Прошло некоторое время, прежде чем за ней послышалось неспешное шорканье сапог, затем скрип отодвигаемого засова, и дверь распахнулась. В проёме показалось небритое лицо стражника, с заспанными покрасневшими глазами, расстёгнутым воротом ливреи.

– Что-то ты припозднился, лавр, – стражник окинул взглядом Бифа, убедившись в его безобидности, кивнул и пропустил их внутрь.

Сторожка представляла собой деревянный пристрой к крепостной стене, с низким, закопчённым потолком, освещённым тусклым светом лучины.

Биф и Ваня присели на грязную лежанку, на которой спали дозорные, а сам страж сел на низкий табурет, затянувшись кислым дымом из трубки.

– Хенон, плата обычная, но за двоих. Вернёмся к концу твоей смены, – сказал Ваня стражу и подал тому мешочек с золотом.

Дозорный разорвал тесьму, которой был перевязан кошель, заглянул внутрь, ухмыльнулся, положил в карман. Затем, помогая себе рукой, поднялся на ноги, прошёл к стене и стал вынимать из неё кирпич за кирпичом. Ваня присоединился к нему, спустя несколько мгнове-

ний появился лаз, глубокий, но узкий, из которого сквозило свежим ветром. Ваня кинул в него мешок, Биф вполз следом.

За Южными воротами располагался огромный величины карьер, вырытый, как поговаривают городские жители, по приказу самого Тарона. Зачем? Никто не знал. Да и не нужно это. Ведь гении часто совершают поступки, неясные простому человеку. А раз так – зачем голову ломать? Лучше уж пожинать плоды. Чем нордорцы без промедления и занялись.

Карьер, прозванный народом Бездонным, имел одно весьма полезное свойство. С Нордорских стен, как бы ни пытались дозорные, нельзя увидеть, что творится на самом дне. Поэтому несколько смекалистых людей живо организовали там известные на всю округу «Потешные бои». Разумеется, с недетской прибылью от ставок.

Как же оказалось, что они не облагались оброком ни одним негласным королём? Загадка не из лёгких. А для Бифа, вообще, нереальная.

Как бы то ни было, «Потешные бои» вызвали огромный интерес народа. Многие купцы стали привозить специально для них искусных бойцов со всего света. А некоторые, особо храбрые, даже сами участвовали, что обычно заканчивались плачевно. Хотя храбрецов при этом не убавлялось.

Но, что интересно, лишь единицы знали о времени проведения «Потешных боёв». Избранные. Элита. Те, кто может, не задумываясь, поставить на кон не один мешочек золота. Такие ни за что не станут трепаться с мелкими сошками, вроде Бифа, о «Потешных боях», если, конечно, эти сошки не бойцы.

Биф сорвал ярко-жёлтый цветок и протянул лавру:

– Я ещё один нашёл.

Ваня, бегло осмотрев его, одобрительно произнёс:

– Молодец. Но больше таких не нужно. Ищи фиолетовый, стелящийся по земле.

Юноша, ещё раз бросив взгляд на цветок, разочарованно выкинул его:

– Я тут подумал. Неужели другие дозорные не увидели нас?

– Почему? Видели.

– Но тогда как? – сердце Бифа стремительно застучало.

– За всё заплачено... Вон, смотри! Фиолетовый! Нужно ещё такой, – усач сорвал бутон и положил в карман полосатых шаровар.

– Как понять: «Заплачено»? – не понял юноша.

– Ну, каждый дозорный пропускает через себя за день до десяти человек. Это, я скажу тебе, огромная прибыль.

– И что? Они её делят между собой? Так получается?

– Зачем? Просто не выдают друг друга. Сегодня, допустим, мне повезло, завтра – тебе. Смысл, стучать? Если заработок постоянный, да ещё нехилый?

– Вот оно что! Я-асно, – Биф нагнулся, чтобы сорвать цветок. – Я ещё один нашёл. Держи.

– Давай, – усач снова положил цветок в карман. – Теперь ищи красный. Он часто в земле зарыт. Прячется, гад.

– Ага. Слушай! – юношу внезапно озарила великолепная мысль. – А зачем мы дозорному заплатили?

– Чего?!

– Ну, сказали бы, что друзья Белого ландыша. И всё. Прошли бы бесплатно.

– Ты, что – шутишь? Хочешь, чтоб нас засмеяли?

– Почему же? Я серьёзно.

– Вот и я... серьёзно. Кто тебе поверит, что ты за ручку здороваешься с Белым ландышем? Тем более ему, да и нам, такая известность ни к чему. Понял? Смотри, не сболтни никому. А то живо засмеют или повесят. Кому что по нраву. О! Смотри! Я его нашёл! – разрыв землю, показал юноше ярко-алый бутон, – Всё, можем идти обратно.

– Можем, – отозвался Биф и хотел было развернуться в сторону Нордора, как внезапно увидел двоих.

Мужчину и женщину. Они находились в нескольких сотнях шагов от юноши. Женщина, присев на корточки, зачем-то передвигала камни, словно что-то искала. Мужчина, сложив руки на груди, гордо смотрел на неё. Ждал.

Наконец женщина, пододвинув к себе плоский булыжник, встала во весь рост. Со смиренностью поднесла мужчине другой, чуть поменьше. С пренебрежением он взял его, слегка сморщив нос. Сплюнул наземь. Поклонившись, женщина встала на колени, невнятно бормоча. Стряхнув с булыжника пыль, она положила на него голову. Подняла ещё один и опустила на висок.

Внезапная догадка заставила рвануть Бифа к ним, но мозолистая ладонь лавра молниеносно схватила его за руку:

– Пошли отсюда!

– Но он же её убьёт! – вскричал Биф. Мужчина поднял камень над головой. – Отпусти!

– Они – горцы. Это нас не касается. Пошли.

– Но как?!

Мужчина со всего маху опустил камень. Послышался треск раскальваемого черепа.

– Пошли, – мрачно произнёс Биф.

Ваня осуждающе покачал головой:

– Как ты не понимаешь? Они – горцы. Мы не имеем права мешать их суду. Ясно?

– Суду?! – вскричал Биф. – Да он просто убил её! О чём ты говоришь?!

– Это их обычай, понимаешь? Эти мужчина и женщина – супруги.

– Ага. Значит муж, по традиции горцев, может вот так запросто убить жену. Я правильно понял?!

– Нет. Так убивают только изменивших жён.

– Но, а куда смотрят её родственники?! Братья, сёстры. Родители, наконец!

– Они, – лавр развернул Бифа и подтолкнул в спину, – отблагодарят мужа.

– За что?!

– За то, что спас их род от бесчестия. А теперь – пошли. Не стоит задерживаться. Это неприлично.

Вечер Бифа оказался на удивление насыщенным. Стоило ему вернуться домой, как Август, забрав мешок, принесённый с рынка, попросил его вместе с Ваней полить цветы в саду. На это ушло около двух сотен ведер с водой и почти весь матерный запас усаха.

Уродец, посягнувший было на честь миловидной девушки, в страхе взобрался на крышу одного из сараев, стоило лишь её отцу показать свой нрав и свежеиспачканные вилы. А слезть, как оказалось, лохматый ухажёр не смог. Пришлось Бифу вызволять горе-любовника.

Но не успел он спуститься, как Белый ландыш, поужинавший, утирая рот платком, пригласил его размяться. На что уставший юноша охотно согласился, и теперь стоял напротив альбиноса, разминая кулаки.

Август снял длинный плащ и бережно положил на кучу колотых полешек:

– Ты готов?

– Да! – ответил Биф, собираясь с силами.

Не зря же его так прозвали?! Бифкейк – мускулы. Да, не зря!

Он, тяжело вздохнув, сжал зубы:

«Надо выложиться. Показать всё, на что способен. Надо! – Пальцы на руках хрустнули, сжимаясь в кулаки. – Так. Позабыть про страх. Про боль. Собраться с силами...»

– Нападай! – голос Августа заставил Бифа рвануть с места, грозно размахивая кулаками.

Юноша, подбежав вплотную к альбиносу, хотел было ударить в подбородок, но внезапно для себя осознал, что правая рука завёрнута за спину. А Белый ландыш, словно в насмешку, поднимает её вверх, отчего стоять на ногах становится всё больнее.

– Ты хоть стойку бы принял, – произнёс сгучающим голосом Август, отпустив руку.

– Стойку? Что это? – Биф потёр правое плечо.

– Да-а-а, – стоящий до этого времени в стороне лавр закусил нижнюю губу. – Ты как выжил-то в Нордоре?

Биф непонимающе сдвинул брови.

– Тяжело придётся, – альбинос подошёл к юноше сзади. – Руки подними. Да, так. Сожми кулаки. Ну. Видишь, теперь можно легко защитить от удара и тело, и голову. Ноги теперь. Пошире. Да, да. Не так. Куда? Зачем так широко?! Уже. Ага. Смотри. Наклон вперёд-назад. Видишь? И не надо теперь в ногах путаться. А если что, поднял её... Вот так. Да... и сразу ноги защитил от удара. Понял?

– Кажется, – неуверенно ответил Биф. – Только неудобно. Как драться-то?

– Ой! – всплеснул руками Ваня. – Можно подумать, раньше было лучше. Лицо вперёд, руки вниз – и-и-и пошёл по морде получать. Вот веселье-то! Класс!

– Не отвлекайся. Нападай! – альбинос отошёл в сторону.

– Ладно, – выпустив воздух через зубы, ответил Биф. – Иду!

Внезапно всё переменилось.

Ярко-алая кровь текла по зелёной сочной траве, заливая каждую яму, выбоину, окутывала множество обезображенных трупов.

Крики. Стоны. Предсмертные хрипы. Звон стали. Всё сливалось в монотонный гул.

Биф испуганно огляделся. Вокруг бились люди!

Присев, он закрыл голову руками, осознавая, что правая ладонь сжимает окровавленный меч.

Кто-то начинает его тормозить за плечо. Биф в испуге поворачивает голову.

Это худощавый мужчина со сплошь усыпанным голубыми татуировками лицом.

– С Вами всё в порядке? – спрашивает он, помогая юноше встать.

– Да, – почему-то отвечает Биф и берёт меч двумя руками.

С боку, яростно крича, на него надвигается неизвестный мужчина, безумно размахивая секирой. Неподвластное больше Бифу тело, делает выпад вперёд, отсекая мечом человеку голову. Потом делает разворот и рубит ещё одного пополам. Чужая кровь фонтаном взлетает вверх.

А Биф уже бежит куда-то, на ходу отсекая руки, ноги и даже головы (!) вставшим на его пути людям. Вокруг царит хаос!

Резко остановившись, Биф переводит учащённое дыхание, стараясь не сводить взгляд с человека, ради которого столько бежал. Крепкий коренастый мужчина с длинной рыжей бородой юлой крутится среди перепуганных воинов, с каждым вздохом отступающих назад.

Взревев, Биф врывается в толпу и одним мимолётным движением пронзает бородача. Мужчина непонимающе смотрит на него ещё не остекленевшим взглядом. А Биф, хищно оскалившись, со смехом, вспарывает ему живот. Склизким комком внутренности вываливаются наземь, увлекая за собой мертвеца.

– Стоять! – орёт Биф, нагибаясь к трупу. – Все! Стоять!!! – лёгким движением меча он отрезает рыжую бороду и наматывает её на кулак. – Стоять!!!

Люди внезапно прекращают битву. Все смотрят на Бифа. Кто с неподдельной радостью, а кто с животным ужасом. Юноша переводит взгляд с толпы на свою руку и понимает: она не может быть его. Рыжую бороду сжимают в кулаке иссохшие старческие пальцы!

– Биф!

Юноша сквозь пелену видит усатого лавра. Тот зачем-то хлопает его по щекам. Причём очень больно!

– Эй, хватит! – Биф схватил Ваню за руку. – Хватит! Больно же.

– Ты как? В порядке?

– Да. А что случилось? – осознав, что лежит на земле, юноша соскочил на ноги.

– Ты упал.

– И всё?

– Ну, да.

– И сколько я пролежал?

– Недолго. Несколько вздохов.

– Думаю, на этом разминку закончим. На сегодня, – Август стоял, словно ничего не произошло.

– Нет. Я хочу ещё раз попробовать. Можно? – Биф с вызовом посмотрел на альбиноса.

– Ты устал. Передохни. А завтра продолжим.

– Дайте ещё один шанс. Прошу.

– А вдруг ты упадёшь? Снова.

– Нет. Этого не будет.

– Уверен?

– Да. Не упаду!

Смерив Бифа взглядом, на выдохе Август произнёс:

– Хорошо... Нападай!

Биф моментально отпрыгнул в сторону. Сделал выпад вперёд. Пригнулся. И снова прыжок в противоположную сторону.

Ваня еле слышно присвистнул, удивившись его прыти.

Юноша, в несколько прыжков оказавшись возле Августа, отпрянул назад, уворачиваясь от удара альбиноса. Мгновенно присел и попытался в едином рывке достичь коленями шеи Белого ландыша. Это у него почти получилось, если Август не очутился бы у него за спиной. Резкий удар по позвоночнику, и Биф неуклюже распластался на земле.

– Неплохо. Очень неплохо, – сказал альбинос. – В сравнении с тем, что я видел ранее – просто превосходно.

– Спасибо, – приподнимаясь с земли, поблагодарил юноша. – Может, ещё разок?

– Нет, хватит. Тем более при гостях.

Стоило Августу закончить фразу, как во двор, громынув воротами, вошёл незнакомец. Среднего телосложения мужчина с чересчур выпирающим животом и татуировкой в виде двух закрашенных кругов на висках.

– Чем могу помочь? – альбинос, не глядя на незнакомца, поднял свой плащ.

– Мне сказали, что вы можете избавить мир от нескольких людей. За некоторую плату, конечно. Поэтому я здесь.

Август, застегнув фибулу, бросил взгляд на мужчину:

– Люди не лгут. Но Вам я помогать не стану.

– Почему же? Я хорошо заплачу. Сколько Вы хотите? Десять, одиннадцать мешочков золота.

– Убирайтесь из моего дома.

– Да как ты смеешь?! – незнакомец попытался вытащить из петли топор, но альбинос уже стоял возле него. Обнажённая шпага, кончиком, нежно касалась шеи мужчины.

– Я повторять не намерен!

– Ладно. Я уйду, – незнакомец медленно убрал руки от топора. – Но вскоре вернусь. Ты, видно, не знаешь, с кем связался...

– Вы не расслышали? – шпага осторожно проткнула кожу, и алая бисеринка крови скатилась вниз, по шее.

Незнакомец развернулся и суетливо покинул двор.

Молчавший всё время Биф тихо спросил:

– Ваня, а почему Август отказал? Он его знает?

– Нет, – ответил за лавра альбинос. – Биф, ты, видно, плохо рассмотрел его?

– Почему?

– Ты разве не видел у него двух закрашенных кругов на висках?

– Видел. Шутник. «Люблю веселье». Что в этом плохого-то?

– А шрамы на губах и ноздрях заметил?

Биф отрицательно покачал головой.

– Понимаешь, мой мальчик, в Нордоре у насильников, если ты не знаешь, есть на выбор две участи, – нравоучительно начал Август. – Первая – смерть, а вторая – более, так скажем, элегантная. Насильнику отрезают его мужское достоинство и запихивают в рот. Потом губы с ноздрями сшивают специальными стёжками. Наживую. Вот. После, само собой, накалываются два незакрашенных круга на виски – знак насильника, и отпускают на свободу. Выживет – значит, судьба к нему благосклонна. Нет – туда ему и дорога, – альбинос щёлкнул пальцами. – Следующий раз, Биф, будь повнимательней. Порой вовремя замеченная мелочь спасает жизнь. А иногда и не одну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.